

**Полина
Полянич**

КЕНГУРУ,
ИЛИ
Я ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЮ!

Полина Полянич

Кенгуру, или Я тебя не понимаю

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Полянич П.

Кенгуру, или Я тебя не понимаю / П. Полянич — «Издательство
«Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-282-4

Три славные, молоденькие девушки очень хотят встретить свою любовь, его, единственного... Они, даже, поспорили и захотели узнать, что это такое любовь: сознательный или бессознательный процесс, и можно ли им управлять? Узнали... Правда ошеломила. В этот момент главная героиня Юлия влюбляется в уверенного в себе мужчину, президента могущественной корпорации. И все бы было хорошо, но он с ужасом замечает, что его империя понадобилась еще кому-то. Это заставляет его принимать ответные меры, но предприятие все равно втягивают в полосу войн, используя хитроумные ловушки, разработки новейших технологий, подкуп сотрудников и многое другое. Как он не сопротивлялся, его противники вовлекают любимую им девушку в водоворот событий и заставляют играть против него, и вот теперь, наш герой с ужасом понимает, что его жизнь представляет собой непроходимый квест. Все события и персонажи вымышлены. Любое сходство с реальными событиями случайно. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00171-282-4

© Полянич П., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Полина Полянич

Кенгуру, или Я тебя не понимаю!

Издательство «Перо», 2020.

© Полянич П., 2020

* * *

Город потерял последние листья... В отчаянии осень разрыдалась и безжалостно стёрла все краски, залив холст серым цветом. Эта художница не пожалела даже небо, ей, капризной, захотелось подобрать его цвет в тон тротуару, как женщины подбирают туфельки в тон к своему наряду.

Тусклый осенний вечер терпеливо ожидал меня, беззастенчиво заглядывая в окна. Он очень боялся пропустить момент, когда я буду возвращаться с работы, чтобы навалится на меня всей своей тяжестью. Это ему удалось, и теперь мы шли по безликим улицам вдвоём: я и мой навязчивый кавалер. Его верная подруга осень в безотчётной ревности брызгала на нас ледяными слезами и бросала нам вслед пригоршни ностальгии.

Ностальгия медленно растворялась в воздухе, и я обречённо глотала её вместе с холодным ветром, летящим мне навстречу. Ностальгия заполняла меня, проникала в сердце и душу, вызывая смутное беспокойство и необъяснимую боль не по прошедшему, а по тому, чего никогда не было, о чём мечталось, но что не сбылось. В такую погоду всегда хочется какао, горячего и сладкого, залезть под одеяло и спать...

Мне захотелось прибавить шаг, но ноги, обутые в модные ботильоны на высоких каблуках, не слушались, идти быстрее не получалось. Мой взгляд безучастно скользил по вычурным витринам, и в отражениях начищенных стёкол ловил силуэт стройной высокой девушки с тёмными, летящими по ветру волосами, чётко очерченными скулами и длинными ногами, закутанной в светлый плащ со множеством застёжек, карманов и большим широким поясом, застёгнутым на металлическую пряжку. Отражение в витринах было размыто, чёткость рисунка всё время ускользала, и лицо девушки невозможно было рассмотреть. Иногда на долю секунды проскальзывали глаза, большие и открытые, смеялся красивый, подведённый яркой помадой рот, блестели зубы, но общей картины не получалось. Я так увлеклась разглядыванием своего отражения в витринах, что не могла понять, красивая девушка или нет. Потом разозлилась на себя и всё-таки прибавила шаг.

– Что за глупости, конечно, красивая! – подумалось мне, и, словно подтверждая мою догадку, шедший навстречу парень замедлил шаг и обернулся вслед. Я усмехнулась и разозлилась!

– И это главный специалист одного уважаемого банка! – укоризненно подумала я сама про себя. – Но иногда так хочется быть просто женщиной!

Рабочая неделя, как назло, выдалась очень тяжёлой и всё не заканчивалась. Напряжение копилось и наконец достигло критического уровня, поэтому сейчас мне хотелось одного – покоя.

С работы я решила добираться на метро: учитывая пробки, так быстрее. Я вошла в подземку, щелкнула картой по электронному индикатору, железные скобки лязгнули и пропустили меня. Ещё три шага вперёд, и монотонный, безучастный ко всему монстр-эскалатор выдвинул ступеньку, принял меня и повёз вниз.

Голова была занята не пойми чем – какими-то обрывками мыслей, и я всё делала на автопилоте. Краем глаза отметив давку на подъёмнике, попыталась занять более удобную позицию при выходе, но народу было так много, что это не удалось. Болтаться на перроне ещё несколько минут не хотелось, и я втиснулась в ближайший ко мне вагон.

Гул поезда звучал слишком надоедливо, от него клонило в сон. Мне пришлось делать над собой усилие и следить за остановками. Наконец четвёртая: слава богу, можно выйти.

Здесь мне предстоял переход на другую линию. Опять столпотворение: народ бурлил, как броуновское движение, шёл мне навстречу. Разгоняясь, люди сбивали меня с ног, тыкались в спину и даже умудрялись, как хороший боец на ринге, зацепить и слева, и справа. Ещё чуть-чуть, и вот она – спасительная лестница к моему следующему составу.

Небольшое резкое движение – и я в вагоне, теперь главное – не уснуть и считать остановки, пятая – моя! Думаю, великий Колумб меньше радовался, когда увидел свою Америку, чем я, когда вышла из метро. И это всё называется «счастьем» жить в Москве! Хотя, честно сказать, это и в самом деле счастье (уже без кавычек), потому что в других городах живут гораздо хуже, а главное, безрадостней.

Осталось предпринять совсем немного усилий: пройти три квартала, переждать два светофора, и я у своей квартиры – небольшой, зато для меня вполне комфортной. Теперь надо найти ключ.

Но тут звонок моего телефона, настроенный на максимальную громкость, нахально заголосил популярную песенку. Я вздрогнула от неожиданности и разозлилась, потому что этот нахал как-то прочитал мои мысли. Он явно потешался, позволяя себе предположить, что моим мечтам не суждено сбыться, во всяком случае, сегодня.

Звонила моя подруга: она была очень расстроена, даже слегка всхлипнула и попросила меня приехать к ней, и я с грустью поняла, что кому-то ещё хуже, чем мне.

– Милочка, что произошло? – спросила я, но она опять заплакала, и это настораживало, поскольку вообще-то Мила была жизнерадостным и весёлым человечком.

Значит, произошло что-то серьёзное.

Я испугалась за неё и, так и не открыв дверь, тяжело вздохнула и поехала к Милке. Опять три улицы, два светофора и метро.

Когда я хочу рассказать обо всем, что со мной случилось, то осознаю, что начинать надо с самого начала, с далёкого детства, когда мы только встретились с Инной, иначе ничего не будет понятно. Но воспоминания приходят ко мне огромными цветными пятнами, какими-то яркими кусками, а не длинной, последовательной чередой, и это очень осложняет мой рассказ.

Так получилось, что нас было трое: я, Мила Смирнова и Инесса Гольдберг. Мы были лучшими подругами, или, по крайней мере, считали себя лучшими подругами. Во всяком случае, я их обеих искренне любила.

Мне казалось, что Инна была со мной всегда, потому что я её помню с той поры, как и себя, – с детского сада. Нам было всего по два года, когда мама привела меня в детский сад. Там я увидела худенькую девочку с большими карими глазами, она тоже пришла туда впервые. Мы сразу понравились друг другу, взялись за руки и больше не разлучались. Воспитатели с умилением смотрели на нас и говорили:

– Настоящие подружки!

На самом деле так и было: мы вместе ходили, спали, вместе отказывались пить противное молоко с пенкой и вместе шалили.

Однажды в конце дня нас вывели во двор детского сада, и мы играли там в ожидании родителей. Нам стало немного скучно, и Инна решила спрятаться от воспитателей и детей, чтобы те начали её искать, а меня попросила не выдавать её. В свои четыре года она хороша усвоила: для того, чтобы тебя не нашли, надо сидеть в укромном уголке долго и тихо, Инна так и сделала. В центре детской площадки возвышалась деревянная горка в виде ракеты, с которой

все дети любили скатываться, а под ней была маленькая коморка и дверца, малышка туда и юркнула.

Через некоторое время воспитатели хватились, что ребенка нигде нет, и начали её искать, детвора дружно помогала им, кричала:

– Инна, Инна!

Но она упрямо молчала, нельзя же себя выдавать?! Пусть найдут! Я тоже не проронила ни слова, как же можно выдавать друзей?! Это же подло?

Между тем воспитатели сбились с ног, испугались, побежали за ворота учреждения: может, ребёнок ушёл в город? Стали звонить родителям, началась паника, и директор сада, хватаясь за сердце, уже хотела обращаться в милицию. Но мы с Инной, гордые своей миссией, упрямо молчали.

Когда, испуганные происшедшим, прибежали Инкины родители, её бабушка Серафима Данииловна и моя мама за мной, Инна услышала их голоса и соизволила покинуть своё убежище, а я с радостным криком: «Я тебя не выдала!» – кинулась к ней.

Что тут началось! Все одновременно гневно обрушились на нас, доказывая, что так нельзя делать! Но мы не могли понять, за что все на нас кричат?! Я же не выдала друга!

– Инна же моя подруга? – спрашивала я маму, размазывая слёзы, но так как букву «р» не выговаривала, получалось «подлюжка», и все невольно улыбались.

Вступилась за нас Серафима Данииловна. Она сказала, что дети не виноваты, что это хорошо, что девочки так привязаны друг к другу, и, глядя мне в глаза, произнесла:

– Ты самая настоящая подруга, нашей Инне повезло!

Надо ли говорить, что с тех пор мы с Инессой были неразлучны, хотя часто ссорились: что поделать – два сильных характера.

После занятий мы обычно шли к Инке, благо школа была практически во дворе её дома. У Инессы Гольдберг была большая дружная семья, в которой перемешалась армянская, еврейская и греческая кровь, но это не мешало им любить друг друга и очень доброжелательно относиться ко всем людям.

Семья была немаленькая, поэтому у Инны обязательно кто-то был дома. Но самое главное – там обычно ждала нас Инкина бабушка, Серафима Данииловна, или просто Симочка, которую я очень любила. Она божественно готовила, была из тех женщин, которые учились ещё в отдельных гимназиях для девочек, и, естественно, была хорошо воспитана. Симочке была присуща этакая лёгкая манерность, придававшая ей очарование.

У меня не было бабушки. Мамина умерла, а папину я не знала. И папу-то не знала, а уж бабушку...

Я так любила всё, что готовила Симочка, что была готова есть это бесконечно! Инка была очень худенькая, ела плохо. Как подобает любимой дочери в большой семье, была немного избалована, ну а если честно сказать, так довольно хорошо разбалована. Она могла позволить себе перебирать харчи и заявлять бабушке:

– Это я не хочу! Это не буду! А котлетки твои куриные вообще надоели!

А мне так всё нравилось, особенно эти куриные котлетки!

Мама воспитывала меня одна, много работала, и когда я приходила домой после школы, её всегда не было. Мне нужно было самой разогревать себе еду, очень простую: картошку, макароны, что-то ещё в этом роде. Правда, мама очень вкусно готовила клюквенный кисель, и тогда, после школы, мы с Инкой шли ко мне и пили этот обалденный кисель.

Но чаще всего после уроков мы оказывались у Гольдбергов. Симочка кормила нас чем-то невероятно вкусным, а потом мы вместе делали уроки.

Инка была веселой и смышлёной девчонкой, с неплохим чувством юмора. Она всегда не зло, с присущей ей иронией подмечала наши слабости и подшучивала над собой или надо мной, что практически было одно и то же.

Правда, бабушка Серафима весьма ненавязчиво нас воспитывала и учила всяким хитрым еврейским штучкам.

Я была очень резкой, упёртой, мало послушной девочкой, что очень вредило мне. Симочка это, конечно же, сразу разглядела, поэтому она часто рассказывала нам байки или истории из жизни, в которых получалось, что выигрывает не тот, кто самый упёртый и сильный, а тот, кто может схитрить, притвориться мягким, добрым, усыпить бдительность, а в нужную минуту проявить характер и добиться своей цели.

Симочка была очень проницательной и желала нам добра, она старалась очень мягко объяснить, что для женщины главное в жизни – встретить «своего мужчину» и выйти за него замуж, но чтобы совместная жизнь была счастливой, женщина обязательно должна слушать своего избранника, при этом она пристально смотрела на меня своими печальными карими глазами. Я морщилась и заявляла, что это домостроевские пережитки и уж я никому и ни за что подчиняться не буду!

Меня всегда поражали всеобщие вежливость и доброжелательность в их семье. Мне нравилось, что все они называют друг друга ласковыми именами, я не слышала, чтобы бабушка Сима или родители повышали голос на детей или друг на друга, хотя и Инна, и её младший брат Юра были такими же непоседами, как все, и так же шалили.

Ещё Инна очень хорошо умела считать деньги и не любила ими сорить. На мой взгляд, она была весьма рациональной. Я же, по её мнению, была сущей мотовкой, почему-то деньги у меня не задерживались.

Так мы прожили школьные годы и затем решили поступать в один вуз в Москве. К счастью, поступили, и, естественно, нас поселили в одной комнате в общежитии. Сейчас смешно вспоминать, как мы, гордые своей самостоятельностью и тем, что наконец-то будем жить сами, в своём первом независимом от родителей жильё, спешили в заветные «апартаменты»!

Общага располагалась в обыкновенной замызганной пятиэтажке, давно не видевшей ремонта. Мы поднялись по стёртым железобетонным ступенькам на третий этаж, прошли по коридору с продавленным и протёртым до дыр линолеумом, открыли огромным железным ключом дверь – и одновременно разочарованно выдохнули.

– Да, не Кемпински... – растерянно протянула Инна, разглядывая выцветшие обои и колченогие кровати, о которых нельзя было сказать, что они приглашали нас прилечь. Я взглянула на неё, она на меня, и мы одновременно фыркнули, а потом рассмеялись, настолько сильное разочарование было написано на наших вытянувшихся лицах!

– Ну что, Инна, – сказала я трагическим голосом, округляя глаза, – кажется, у нас начинается совсем «другая» жизнь?!

В общем-то Инка была позитивным человечком, поэтому ответила:

– Неожиданно, из серии: всё идёт хорошо, только мимо!

Я заулыбалась, моя подруга за иронией скрывала растерянность.

– Инна, не раскисай, это не смертельно! Главное всё-таки учёба!

Ещё из мебели были тумбочки и шкаф для одежды, дверцы которого плохо закрывались и из которого постоянно вываливалась одежда. Довершал это великолепие стол – из той же серии, что и шкаф.

Честно сказать, мне было всё равно. Главное – что было место для учёбы и сна, тем более, что у общежития было два больших плюса. Во-первых, близость к институту, который был в шаговой доступности, а для Москвы это очень важно. Радовало, что в ближайшие несколько лет не придётся полжизни проводить в метро. Во-вторых, небольшая оплата, потому что снимать квартиру в столице, даже одну на двоих, наши родители были не в состоянии.

Но была ещё одна важная деталь: кроватей и тумбочек в комнате было целых три. Наша келья была трехместная, и к нам подселили ещё одну девушку с нашего курса, Милу. Вот так в нашей жизни появилась Милочка.

Вообще-то полное имя новой соседки было Меланья, но оно ей не нравилось, и она попросила называть её Милой. Мы с Инкой пожали плечами: ну хорошо, Мила так Мила.

Правда, потом Милка узнала, что имя можно переделать на американский манер. Есть такая голливудская актриса – Мелани Гриффитс, вот подруга и стала представляться как Мелани, или просто Мел. И только когда появилась Меланья Трамп, ненавистное имя было полностью реабилитировано.

Трудности сближают! Мы с энтузиазмом занялись благоустройством нашего жилища, и через некоторое время оно приобрело достаточно уютный и современный вид. От какого-то старья мы избавились, что-то заменили, ну а когда появились стильные шторы и одинаковые пледы на кроватях, комната полностью преобразилась.

За короткое время мы сдружились и уже не могли друг без друга. Девчонкой наша Мел была доброй, правда, училась она, как бы это сказать, чтобы никого не обидеть, не очень, а если честно, то никак.

Вы спросите, а зачем же она в Москву приехала? Как зачем? Чтобы замуж выйти! А что, тоже линия поведения, имеющая право на жизнь!

Так вот, Милочка очень хотела выйти замуж и все годы учебы придумывала разные хитрые способы, чтобы осуществить этот план. Однако что-то всё время не срасталось.

И не то чтобы она не нравилась мужчинам. Очень даже нравилась: и симпатичная была, и стройная. И отношения завязывались, и длились долго, но вот к замужеству никак не приводили. Честно сказать, меня иногда раздражало поведение Милы с мужчинами: она была им так предана, так старалась угодить и понравиться, что была готова на всё, лишь бы сохранить иллюзию любви. Мы с Инной привыкли к ней, полюбили за доброту и открытость и иногда просили Милу:

– Остановись! Неужели ты не понимаешь, что тобой манипулируют? Нельзя же до такой степени себя терять!

Но Мила была неисправима и делала всё совсем наоборот – что поделаешь, такой характер. Поэтому на протяжении многих лет мы были свидетелями её романов – прекрасных и не особенно, но всё же страсти кипели.

Потом мы отучились, стали жить каждая своей самостоятельной жизнью, но часто встречались.

И вот сегодня мы мчались к нашей Мелани по сигналу «sos», потому что ей было плохо, ей надо было рассказать кому-то близкому о своей беде.

Милочка ждала нас и сразу открыла дверь. В её квартирке, всегда очень уютной, в этот раз царил хаос: везде были видны следы поспешных сборов, разбросаны вещи и коробки из-под обуви, опустевшие пластиковые пакеты были небрежно свалены в кучу. В общем, такой не особенно милый и художественный беспорядок. Милка прошла с нами в комнату:

– Полюбуйтесь, что творится! – она огорчённо вздохнула, обводя своё жилище взором. Милка снова всхлипнула.

– Милочка, ну что ты плачешь? Объясни, пожалуйста, что случилось! – попросила я, хотя мы уже и так догадывались. Её друг съехал сегодня утром и оставил ей то, что ему больше не пригодится.

Мила растерянно посмотрела на нас. Её яркие серо-зелёные глаза выражали недоумение. Потом она похлопала ресницами и вздохнула:

– Девочки, а вы верите в любовь? Или это всё выдумки писателей, художников и поэтов?

– Интересный вопрос, а главное – нестандартный, – с иронией заметила Инна, продолжая разглядывать место битвы. Я пока молчала.

В общем, как бы так помягче выразиться: нашу подругу снова накрыла волна разочарований, потому что её очередной мужчина повёл себя не совсем по-мужски.

Она встретила с Анатолием больше года назад. Сначала всё было прекрасно – неземная любовь, космический (термин Мел) секс, поездки к морю, совместные завтраки и ужины... И вдруг! Вдруг он женится на другой!

Рассказывая всё это, Мелани рыдала навзрыд, и мне было искренне жаль ее. Я хорошо знала, что она будет прекрасной женой и матерью, и мне было очень обидно за подругу. Я эмоциональна от природы, поэтому горечь и раздражение захлестывали меня, и мне хотелось просто убить этого Анатолия. Инка, намного более спокойная, выдержанная, к тому же очень рассудительная, с выводами не спешила. Помолчав, она спросила:

– погоди, Мила. Если всё так, как ты говоришь, то это очень странно...

Мы всё-таки решили немного прибрать комнату: сложили вещи аккуратными стопками, ненужные коробки и пакеты вынесли в мусор.

Потом мы попытались понять Милочку, набраться терпения и выслушать её исповедь. Я расположились на диване, Инне больше понравилось кресло, а Мел ходила по комнате, пиная то, что можно было пнуть.

– Что странно? Что он меня полюбил? – взвилась Меланья.

Я невольно посмотрела на неё оценивающим взглядом. Ничего не скажешь, хороша! Высокая, стройная, можно сказать, сексапильная, с округлой попкой – результатом частых тренировок в спортзале. Серые широко поставленные глаза Милки располагали к общению. Несмотря на все неудачи, в них жила надежда на новые отношения.

Кроме того, Мила умела подчеркнуть свои достоинства одеждой. С юности она была модницей, любила яркие обтягивающие вещи спортивного стиля, и они ей очень шли. Мелани ещё в студенческие годы все свободные деньги спускала на шмотки, и с тех пор ничего не изменилось, только шмотки стали намного дороже.

И, конечно, гордость Милочки – длинные, прекрасные волосы, за которыми она неустанно ухаживала!

Единственное, что портило образ Милы, так это её речь: она использовала современный молодёжный лексикон, от которого нас с Инной иногда просто «долбит»! Ко мне никаких претензий – выражение Мел.

– Ну, полюбил – это сильно сказано, – невозмутимо продолжала комментировать Инна, округлив глаза. – Он же ушёл к другой?

Реакция Милашки была предсказуемой: она даже сбросила на пол стопку вещей, которую мы только что старательно сложили.

– Да как ты не понимаешь: он мне сто раз говорил, что любит – и днем, и ночью! – обиделась она.

– Это, конечно, круто меняет дело. Это веский аргумент, – скривилась Инна. – А жили вы где?

Меркантильность Инессы начинала меня раздражать, но я пока хранила нейтралитет.

– Как где? У меня! – Мел уставилась на подругу.

– Где у тебя – на квартире, которую ты снимаешь? – добила её Инка.

Наконец Мел начала понимать, куда клонит Инна, и нервничать. Лицо её немного покраснело, но она решительно ответила:

– Понимаешь, у него есть квартира, но он там делал ремонт. Сказал, что скоро всё будет готово, и мы переедем, и ничего не надо будет снимать, и не надо платить лишние деньги! – в глазах Мел плескалась святая вера в правдивость этих слов.

Инесса скептически улыбнулась. Но теперь уже и я стала смотреть на ситуацию по-другому: всё-таки Инна умеет перевернуть всё с ног на голову. Или наоборот – с головы на ноги?

Невольно я задержала взгляд на Инке. Она не одевалась так ярко и броско, как Мел. Её мама, тётя Неля, с детства привила ей хороший вкус, и она никогда не наденет пусть даже очень модную, но кричащую вещь. Однако сейчас я поняла, что недооцениваю свою подругу. Была

в ней какая-то необъяснимая изящность и манерность в лучшем смысле этого слова. Манера сидеть с ровной спиной, поворот головы, крошечные ручки, длинные тонкие пальцы и даже эта причёска «каре» до плеч – все изысканно, но не вычурно. И ещё: у Инны были необыкновенные глаза – огромные, карие, как две большущие спелые вишни. Когда она смотрела на тебя бездонными, всё понимающими глазами, создавалось впечатление, что она видит тебя насквозь, и соврать уже не получалось. В шутку я звала Инку «инквизиция». К тому же она была очень умна. Инка лукаво улыбнулась одними глазами и продолжила:

– Ну, ремонт – это, конечно, очень важно, особенно в любви. Какая ж любовь без ремонта, правда, Юль? – и она вопросительно смотрит на меня. Кажется, я начинаю понимать смысл её вопросов.

– А за три моря вы за какие деньги летали? – спрашиваю уже я. – За твои или за его?

Меланья обречённо смотрит на нас, в её голове что-то проясняется, она ведь не дуручка, просто очень доверчивая.

– Турцию я оплатила. Понимаешь, обстоятельства сложились так!

– О! Обстоятельства? – вклинивается Инна, – Это меняет дело. Просто непреодолимой силы обстоятельства! – весь её вид выражает наигранное сочувствие.

Мел зло смотрит на неё и почти кричит:

– Ему зарплату задерживали, понимаешь? Три месяца не платили! А вообще он сам хотел оплатить, но если б я ждала, пока ему всё вернут, мой отпуск бы закончился и мы бы никуда не смогли поехать, – уже не так уверенно заканчивает наша Милочка.

– Ну да, здесь ключевое слово «хотел»! Хорошо хоть хотел. Боже, какой щедрый мужчина! – не может удержаться от сарказма Инна и возводит глаза к небу.

Затем мы с ней долгим взглядом смотрим друг на друга. Нам всё понятно: опять альфонс. Ну зачем он ей нужен? И как ей растолковать это, чтобы не очень обидеть? Милка находится в каком-то выдуманном мире: она опять начинает плакать, теперь уже от обиды на себя. Нам очень жаль её.

– Слушай, Мил, мне кажется, что тебе очень повезло! – заявляет Инна.

Я делаю ей страшные глаза: «Что ты несешь?» Но, она невозмутима:

– Ещё одно маленькое уточнение: а ты машину хотела брать в кредит, так ты взяла?

Милка поёрзала на кресле – она успела пристроиться на подлокотнике возле Инны, потому что на второе кресло мы сложили вещи, – похлопала ресницами, немножко надула губы:

– Нет, не успела, мы с Толиком все деньги потратили, которые я на первый взнос собрала.

– Вот и славно, что не успела. Зато теперь у меня есть хорошая новость!

Мелани оживает, и даже подобие улыбки появляется на её губах.

– Ты, думаешь, он вернётся? – с замиранием сердца спрашивает она Инессу.

Та с сожалением смотрит на подругу:

– Я сказала, хорошая новость, а не волшебная, – как можно твёрже произносит Инна. – Хорошая новость – это то, что теперь мы точно знаем, почему он ушёл, – она делает паузу, чтобы усилить интригу, как настоящая актриса, а мы с Мел превращаемся в слух.

– У тебя просто больше нечего взять! – наконец заявляет Инна. Она уже откровенно развлекается, и не потому, что не любит Мел, как раз наоборот, очень любит, просто ей надо вывести подругу из плена нечестных отношений.

– Подумай сама: как хорошо, что у тебя нет квартиры, машины и денег! Просто сказочное везение, потому что это всё было бы его! – Инна веселится, Мелани плачет, я не знаю, что делать!

Хотя, в общем-то, одна права, а другую жаль. Надо срочно менять ситуацию на сто восемьдесят градусов. Я достаю бутылку шампанского, разливаю по бокалам и предлагаю:

– Ну, что ж, Мел, сегодня ты стала немного мудрее. Знаешь, в науке отрицательный результат – тоже результат, потому что он подтверждает: исследования зашли в тупик, и надо искать другой вариант. Поэтому давайте выпьем за... – я подбираю слова...

– За что? Неужели за очередной тупик?! – с присущей ей иронией тролит меня Инна.

– Ну уж нет, за это мы пить не будем! Давайте за то, что всё плохое уже закончилось. Пусть это будут последние слёзы в твоей жизни, Мел! – не соглашаюсь я.

Всё-таки женщины непредсказуемы: Инна берёт свой бокал и произносит:

– Пусть память вычеркнет мужчин, не оценивших вас; пусть маются неудачники, потерявшие вас; и да будут процветать счастливицы, которые вас встретят! Значит, за любовь! – Инна в своем ампула, просто светоч мудрости! Она вообще любит долгие тосты со значением.

Милке нравится, мы чокаемся и выпиваем. Холодное игристое немного освежает, бьёт в голову, и становится не так грустно. Мы все на некоторое время замолкаем и думаем – каждый о своём.

– Мел, что ты молчишь? – меня пугает задумчивость подруги.

– Девочки, вы правда считаете, что он меня использовал? Но я же думала: раз мы живём вместе, зачем делить на твоё, моё? И потом, как это можно сделать: я же не могу обедать, спрятавшись под одеялом? – в этот раз она в самом деле очень искренна.

– Мел, главное, что он так не думал. А твоя позиция его как раз очень устраивала. И потом – жизнь твоя, живи, как считаешь нужным.

В голосе Инны я уже слышу нотки плохо скрываемого раздражения. Я предостерегающе смотрю на неё, но она понимает без слов. Инка знает, что скандала нам не нужно. Ну как это будет выглядеть со стороны? Приехали утешить, называется!

С лица Милочки не сходит грусть, правда, она настолько хорошенькая, что это даже придаёт ей некоторое очарование. Она продолжает думать вслух:

– Но он же так меня любил, столько хороших слов говорил, всегда целовал и даже дарил цветы! – произносит Мел, думает и добавляет: – Иногда!

– На чужой счёт жить, есть, пить, ещё и на курорты летать – чего за это не сделаешь, – это уже я комментирую.

Мелани замолкает. Первая бутылка улетела, достаю другую. Девчонки переместились, теперь они разлеглись на диванчике возле телевизора. Краем уха ловлю тему передачи: опять очередное бессмысленное ток-шоу, обсуждают развод известного баскетболиста и одной эпатажной телеведущей. Её поведение шокирует публику, и для меня совсем не удивительно, что всё закончилось расставанием. Честно сказать, мои симпатии на стороне спортсмена.

Шампанское точно действует на Инессу, потому что она, обычно равнодушная к подобным трансляциям, вдруг громко возмущается, сверкая глазами и в негодовании прищуривая их:

– Какой он, этот баскетболист, подлец, он же её обобрал! Всё переписал на себя и свою маму, даже дом построил за её гонорары! Она была более востребована, чем он, и зарабатывала больше!

– Какое это имеет значение? – с жаром парирует Мел. – Зато у них была такая красивая любовь, он так за ней ухаживал, так сходил с ума! Вот она и оказалась такой же дурёхой, как я, полностью ему доверяла и всё отдала! А вы меня ругаете! Мне любовь ж-а-а-лко, – всхлипывает она.

Слушая их перепалку, уже я медленно схожу с ума: обе невыносимы! Вот их бы сложить, перемешать и сделать одну женщину – умную, мудрую, но в то же время женственную, трепетную. Так, Юля, шампанское уже и твою голову вскружило, что-то тебя заносит. Ты же сама понимаешь, что это невозможно. Они такие, какие есть, и обе по-своему правы.

Я достаю ещё бутылочку веселящего напитка. Гулять так гулять! Но тут у Милочки раздражается трелью телефон. Она сразу же хватается за него, смотрит на экран:

– Это Толик! – переводит взгляд на нас, в глазах вопрос.

– Не отвечай! – останавливает её Инна, а я надеваю на лицо маску ледяного презрения и выразительно молчу, но понимаю, что всё бесполезно! Мила уже разговаривает со своим мармеладным, потом виновато докладывает:

– Девочки, он предложил мне ночь прощания! – её глаза сияют от радости: она кому-то нужна, о ней помнят!

Инна – просто взрывная смесь негодования и презрения, и её глаза метают молнии:

– Что?! Неужели ты ещё не всё ему отдала? У тебя таки ещё что-то осталось? Он что-то забыл? – в её голосе звучит угроза, но Мел уже всё равно.

Она начинает лихорадочно собираться и в перерывах между поиском сумочки и подкрашиванием ресниц заявляет:

– Инна, ты можешь язвить и тролить меня, сколько хочешь! Это потому, что у тебя плохо с эмоциями и гормонами, ты бесчувственная! Ты не умеешь любить! Что плохого в том, что мы попросимся с Анатолием? Это будет последняя наша ночь! Может, это будет лучшее воспоминание в моей жизни! – и она с видом победительницы косится на нас, даже спину выпрямила и живот втянула!

Но у нас её поведение вызывает обратную реакцию:

– Боже, избавь её от таких потрясений, – стонет Инесса.

Правда, Мелани совсем не обращает на это внимания, она всё никак не может найти свой ридикюль:

– Где мой Карл Лагерфельд?! Вы случайно не видели? – кричит она. Мы пожимаем плечами: в таком бардаке трудно сказать, что и где.

Наконец, она его находит, вытаскивает из-под вороха одежды и вешает сумочку на плечо. Затем выливает на себя полсклянки нежнейшего французского аромата и, не задумываясь ни на минуту, уносится в ночь любви, страсти, секса!

Ещё секунда, и мы с Инной остаёмся вдвоём. В комнате витает шлейф Милкиных духов, а меня душат злость и обида на её поведение. Почему же она так себя теряет?! Невозможно же позволять унижать себя до такой степени! Мы молча выпили с Инкой ещё по бокалу. Ничего хорошего в голову не приходило, но я знаю, что Инна ещё более сердита, чем я. За много лет мы научились понимать друг друга без слов. Инна вопросительным взглядом смотрит на меня, я на Инну, потом она, вздыхая, произносит:

– Кенгуру!

Я отвечаю:

– Ещё какое кенгуру!

– Нет, ну я всё понимаю, – продолжает подруга, – эмоции зашкаливают, близость самца способствует выбросу в кровь гормонов, которые полностью перехлёстывают разум. Но куда девается чувство собственного достоинства? Почему оно деградирует? Может, у Мелани что-то не так с психикой?

Я слушаю Инну и пожимаю плечами. Нам сложно понять Милу, мы немножко другие, но это наша подруга, и мы её любим.

– Я очень надеюсь, что она всё-таки встретит своего принца, честного и благородного, – произношу я.

Инка досадливо морщится:

– Значит, благородного? Помнишь, что баба Сима по этому поводу говорила?

– Помню! «Глубоко ныряют только за жемчугом, дерьмо само всплывает!» Вот оно и плывёт, да всё к нашему берегу! – Я опять пожимаю плечами, и мы молчим.

Всё и так уже сказано. Милочку не переделаешь, значит, надо ждать её очередного романа, со всеми вытекающими и притекающими.

* * *

В детстве мне не очень нравилось мое имя – Юлия, но что поделаешь, так меня назвала моя мама. От папы мне досталось отчество Владимировна и фамилия Синеок, хотя глаза у меня карие. Про папу я почти ничего не знаю: они с мамой расстались, когда мне было два года. Папа после этого не искал встреч с нами. Сейчас я думаю, что, может, это и к лучшему. Мама нечасто про него рассказывала и говорила как-то ни хорошо, ни плохо. Жили мы с мамой вдвоём и очень любили друг друга.

Мама старалась воспитать меня интеллигентным, образованным человеком, поэтому в доме всегда было много книг, а вот с деньгами было похуже, если не сказать совсем плохо. Их вечно не хватало, и это злило меня страшно! Всю жизнь унижительно считать копейки, бегать по распродажам и мучительно раздумывать, прохожу ли я ещё сезон в старых сапогах, если сейчас куплю себе новую куртку, совершенно меня не устраивало. Уже лет в десять я точно знала, что так жить не собираюсь.

Почему-то тогда мне казалось, что если очень хорошо и много учиться, поставить себе цель и идти к ней, то можно многого добиться и вырваться из этого замкнутого круга.

Маму звали Светлана Васильевна Синеок. Надо сказать, что она была очень миловидной и мягкой, а по характеру уступчивой женщиной. Мама была красива неброской русской красотой: вся такая аккуратненькая, большеглазая. Густые русые волосы украшали ее и очень ей шли. И даже лёгкая полнота не портила её, а только добавляла мягкости.

Конечно, она нравилась мужчинам, но всё как-то не складывалось и, если честно, из-за меня.

Я была очень упёртой и резкой девочкой и всех маминых знакомых «дяденек» не переносила на дух. Вообще мама была, как мне казалось, излишне интеллигентной, если к этому понятию можно применить слово «излишне». Я была уверена, что они все её используют, потому что в силу своего характера, она не могла сказать в лицо подлецу, что он подлец, или предложить хаму, чтоб он поумерил свою прыть. Когда я её спрашивала об этом, она говорила: вдруг мы ошибаемся и можем незаслуженно оскорбить человека.

По большому счёту все было неплохо в моём детстве, а потом появился он – Вячеслав Вольдемарович Вейст. Это был новоявленный мамин поклонник, который оказался более упрямым, чем я.

Славик, так мы его звали в семье, был из поволжских немцев. Однажды мама сказала, что хочет меня познакомить с одним очень хорошим своим приятелем, настойчиво попросила быть с ним повежливей и показать всё своё хорошее воспитание. Мне это сразу не понравилось, но капризничать я давно разучилась, поэтому молча кивнула.

И вот он пришел к нам – симпатичный, хорошего роста, с холодными глазами и весь какой-то начищенный, просто до тошноты вылизанный сорокалетний мужчина. Мама суетилась в прихожей, встречая гостя, а я сидела в своей комнате.

– Юлечка, пожалуйста, выйди к нам, – позвала меня мама, и я нехотя покинула свое убежище.

– Вот, Вячеслав, – смущённо сказала она, мы встретились с ним глазами, и сразу повисло неловкое молчание, потому что мы не понравились друг другу: девочка-подросток с дерзким взглядом и взрослый мужчина, привыкший отдавать команды.

Я тут же остро ощутила, как неловкость застыла в воздухе, и с тоской подумала, что теперь так будет всегда. И только мама суетилась, что-то наигранно весело говорила, пыталась шутить, но у неё плохо получалось, потому что обманывать она не умела. Мы сели пить чай, но скованность никуда не исчезала, это ж не утренний туман...

– Юля, что ты хочешь к чаю? – спросила мама стеклянным голосом. – Варенье клубничное или абрикосовое?

Я молчала, усиливая неловкость.

– А мне клубничное, пожалуйста, я его просто обожаю, а вот сам варить не умею! – попросил мамин друг, натянуто улыбаясь.

«А тебя никто не спрашивал», – зло подумала я.

Вячеслав разглядывал меня, я в ответ демонстративно устала на него, в общем, тихого семейного счастья пока не получалось. Мне это надоело, я попрощалась и ушла к Инне учить уроки. Вернулась очень поздно в надежде, что он ушёл, но я ошиблась! Увидев его снова, я разозлилась и хотела сказать что-то резкое про дурное воспитание гостя, но, взглянув на маму, отчётливо прочитала в её глазах страх потерять Славика. Я сдалась. Так мы стали жить троём.

Позже я узнала, что чистота – это один из его пунктиков, что он не выносит ни малейшего пятнышка на одежде, ни единой складочки на рубашке или брюках. Обувь должна блестеть как зеркало, а кухня должна быть стерильна, как операционная. Вот и не верь после этого в байки про немцев. Вы представляете, как можно жить с таким мужчиной?

Правда, очень много домашней работы он делал сам: чистил, убирал и ходил за продуктами. Но самое главное – он очень полюбил маму. И именно за мягкий характер, незлобивость, за её неумение устраивать сцены и скандалы, за тихую, но такую милую сердцу красоту.

Тогда я этого всего не понимала, но очень хорошо почувствовала в нём сильный мужской характер и упрямство. Я была в седьмом классе и после окончания школы собиралась уезжать учиться в другой город. Я уже задумывалась о том, что мама останется одна, без меня, и что ей будет тяжело. Поэтому я не стала мешать Славика, хотя он так и не стал мне родным.

Вячеслав был просто неумеренным педантом, его раздражало всё: не так повесила полотенце, не так выдавила зубную пасту, не вовремя пришла или ушла. Я же не собиралась менять свои привычки и жила так, как до этого привыкла жить с мамой.

Конечно, раздражение друг на друга копилось и выливалось в бурные скандалы из-за каких-то глупостей!

Но нет худа без добра, плюсов от появления Славика в нашей семье было больше. Он навёл порядок: в доме как-то сразу нашлось место всем вещам, развешанным на стульях и пылившимся на балконах. Все электроприборы вдруг заработали, а в холодильнике всегда была нормальная еда.

А ещё у мамы появилась норковая шуба, о которой она тайно мечтала. Не самая дорогая, но всё же шуба. После этого я зауважала Славика, и наши отношения стали намного мягче.

Так мы жили, пока я не перешла в последний класс школы. Вот тут наступил переломный момент во всей моей биографии. Мы с мамой решили, что мне надо получать образование в серьёзном вузе, а для этого необходимо было ехать в столицу. Мы обсуждали этот вопрос, и он упирался в финансы, которых не было.

Моя упёртость очень помогала мне в учёбе, в старших классах я занималась просто фанатично и ещё дополнительно изучала английский и испанский языки.

Мама собиралась взять кредит и уже начала осуществлять свой план и собирать документы в банк, но она не могла не посоветоваться со Славиком, потому что семейный бюджет был общим.

Вячеслав Вольдемарович отнесся к вопросу очень серьёзно, он вообще к деньгам относился с пиететом. Взял паузу и в ближайшее время сообщил, что навёл справки об образовательном учреждении, где я собираюсь учиться, всё выяснил и готов оплатить моё обучение. Мама была счастлива и смотрела на Славика, как на божество, глазами, полными любви и обожания, а я была просто рада. Не будем лукавить, сами понимаете, без денег не видать московского вуза, будь ты хоть сто раз Ломоносов.

Позже мы узнали источник доходов нашего Славика. Оказывается, в те годы немецкое правительство призвало этнических немцев вернуться в Германию, и все его родственники переехали туда. А вот наш герой проследовать на историческую родину не захотел, несмотря на то, что его родная сестра уехала. Она отыскала там их дядю, брата отца, у которого не было детей, и скрасила последние годы жизни этого достойного человека. Дядя был человек небедный и написал завещание на своих двоих племянников – Славика и его сестру. Ей, кроме того, достался очень приличный дом: потом Вольдемарович и мама туда несколько раз ездили.

Мы с Инкой поступили в вуз, где познакомились с Милкой, и удачно в нем отучились. Мы даже несколько раз, благодаря связям Инкиных родителей и материальной помощи Славика, ездили за рубеж на практику в европейские банки, что считалось высшим шиком в нашей альма-матер. И вообще были молоды, энергичны и отрывались по полной!

Немного плохо было только с деньгами. Обучение-то мне оплатили, но ведь ещё надо было как-то жить, а на это тоже были нужны деньги. Мы с Инкой решили подрабатывать и что только ни перепробовали: и разносили листовки, и занимались рекламой, и писали курсовые нерадивым студентам!

Москва – город соблазнов, это мы поняли в первую же неделю учебы. Все трое за одну неделю истратили родительский бюджет, выданный на месяц, и теперь, удручённые, сидели в нашей комнате в общежитии – я, Инка и Мелани – и выдвигали гипотезы насчёт того, где взять деньги, одна фантастичнее другой! Самая лучшая была ограбить банк. Вот угадывайте, кто предложил? С трёх раз угадали? Правильно, конечно, я. На втором месте была идея выйти замуж за миллионера, исходившая, естественно, от Мелани. И третий вариант: взять кредит в банке или отнести бабушкины серьги в ломбард, но потом обязательно выкупить. Конечно, это могла подсказать только моя рациональная Инна. Скучно, но зато легко выполнимо.

Инкино предложение меня сразу отрезвило. Я даже представить себе не могла, что Симочкины серьги могут исчезнуть, ведь им, по рассказам Серафимы Данииловны, было более двухсот лет, их носила еще её прапрабабка, семья которой бежала в Россию из Крыма.

Надо сказать, что наши государи, которые приращивали матушку Россию и с востока, и с севера, и с юга, землю русскую очень уважали и болели за неё. И чтобы южные окраины не пустовали и не достались проклятым османам, царица Екатерина Вторая издала указ, по которому велела всем переехавшим в Азовскую губернию армянам и грекам бесплатно выдавать земли под сельскохозяйственные работы, а также разрешила беспощинную торговлю и беспощинный вылов рыбы в реке Дон! Ничего не напоминает? Прямо современные зоны экономического развития!

Но у нас-то, у продвинутых, как-то слабенько, а вот у Екатерины Второй хорошо получилось. Потянулись караваны, и обросли русские уголья поселениями со странными для уха русича названиями: Нахичевань, Чалтырь, Мец Салы, Сурб-Харч. Польза от них была немалая, прижились на Дону виноградники, развились торговые рынки, ремесла и маслобойни, разрослись тутовые деревья. Но главное, приросла страна новыми гражданами, которые хотели мирно жить и честно работать.

Вот в одном из таких караванов в сопровождении донских казаков коими руководил Александр Васильевич Суворов, в ту пору генерал-лейтенант, убежала в неведомую и холодную Россию прапрабабушка нашей Серафимы Данииловны, маленькая Наринэ. Времени на сборы у семьи совсем не было, поэтому они успели взять с собой только самое дорогое, что у них было: детей и виноградную лозу. Отец Наринэ вместе с братьями выкопал несколько кустов винограда, завернул их во влажную простыню, оставив на корнях немного земли, и весь длинный путь следил за саженцами и поливал их, чтобы не засохли. Так из нескольких крошечных стебельков выросли на Дону виноградники.

А мама Наринэ, как каждая женщина, больше всего боялась, что в дороге могут заболеть дети или случится непоправимое, что, кстати, было весьма вероятно, и семья разлучится. Ей

почему-то казалось, что её маленькая черноволосяя егоза вдруг куда-то исчезнет или её могут украсть. Вот тогда эта женщина надела свои серьги ненаглядной Наринэ: она думала, что в страшную минуту они спасут её ребенку жизнь. Её девочка выросла, всё сложилось удачно, только с тех пор Наринэ никогда не снимала эти серьги, а потом, через несколько поколений, они перешли к Симочке, а она завещала их, конечно, Инне.

В семье верили, что серьги приносят удачу. Когда я с детской наивностью пыталась Серафиму, в чём же удача, она, грустно улыбаясь карими глазами, совсем как у Инны, говорила:

– Как в чём? Мы же все остались живы, и это главное!

Тогда мне это было непонятно. Я по малолетней глупости думала, что удача – это когда на тебя свалится много денег или что-то ещё в этом роде.

От мысли, что эти легендарные серьги могут исчезнуть, мне стало плохо, пришлось срочно выкручиваться и придумывать, где взять денег так, чтобы не натворить ещё более непоправимых бед. Нет, мы не нашли работу в течение часа и не заработали дружно кучу денег, потому что это было из области фантастики. Мы не ограбили банк и не вышли на панель, потому что это принесло бы не тот результат. Всё было гораздо прозаичней: я наступила на горло своей гордости, убрала «понты» в карман и позвонила Славику. У меня просто в тот момент на всём земном шаре не было других знакомых, у которых можно было попросить денег.

Славик слушал молча, не перебивал, потом минуту думал. Я понимала, как ему тяжело расставаться с деньгами ради какой-то несносной девчонки, но желание выглядеть в глазах мамы этаким щедрым сказочником пересилило. При этом я пообещала обязательно отдать, потому что сумму просила немаленькую, на всех троих до конца месяца.

Этот случай научил меня более аккуратно обращаться с деньгами, а позже – убирать все эмоции подальше при ведении бизнеса. Так я стала казначеем и выдавала девчонкам деньги на проезд и неотложные нужды, а продукты мы покупали вскладчину или вместе ходили в тошнилровку (студенческую столовую). Взятые у Славика деньги не давали мне покоя, а все те способы заработать, которые мы пробовали с Инной, оказались не очень результативными. Заработанного хватало только на то, чтобы залатать дыры.

Но знаете, как говорят, на ловца и зверь бежит. Просто надо быть всегда готовым к принятию решения. Однажды в метро я встретила девочку из нашего города Лельку Голочалову. Мы с нею не дружили, а так, иногда пересекались на разных мероприятиях. Выглядела она классно и как-то потрясающе модно. Мы разговорились, и Лелька рассказала, что она в Москве работает – снимается в рекламе.

Я внимательно оглядела Лельку. Да, стильная, очень худенькая, с длинными волосами, длинными стройными ногами и ярким макияжем, она просто притягивала к себе внимание. Вначале я без особого интереса отнеслась к этой информации, но когда услышала, сколько за это платят, резко поменяла своё мнение.

– А мне можно попробовать? – спросила я, даже не надеясь, просто по какой-то инерции, цепляясь за соломинку.

Теперь уже Лелька посмотрела на меня оценивающим взглядом:

– Рост у тебя хороший. Сто семьдесят пять? – предположила она.

– Почти, – ответила я. – Сто семьдесят три.

– Вес вроде тоже, – продолжила она. – Если честно, сколько?

– Наверное, килограммов пятьдесят пять, – призналась я.

– Много, – Лелька нахмурилась. – Понимаешь, это очень важно, вес должен быть не более пятидесяти трёх. Ну, хорошо, давай попробуем, у нас сегодня групповые съёмки, а одна девочка не приехала. Вроде ты можешь подойти, – и она хотела прощаться.

– Как, и всё? – не поверила я. – А внешность?

– Нормальная у тебя внешность! – отрезала Лелька.

– Подожди, а лицо? – я всё ещё не верила в удачу.

Лелька посмотрела ещё раз на меня, теперь уже на лицо.

– Вообще-то это не так важно, как рост, фигура и волосы, но у тебя и с этим всё в порядке. Главное, нос, – она повернула мое лицо в профиль, – прямой и короткий – то, что надо, – резюмировала она – А то, если нос длинный, фотографу долго свет выставлять приходится, чтоб тень от него не падала и не получилось, как у Шапокляк. Весь снимок испортить можно. Глаза у тебя карие и хорошо поставленные, – комментировала она дальше. – С бровями надо работать визажисту, почему ты брови немодные носишь? – удивилась Лелька. – А рот – это самое простое, его как хочешь, так и рисуешь. А ты что, косметикой совсем не пользуешься? – как-то растерянно спросила подруга.

– Нет, – отрезала я, – главное – не внешность, главное – душа! – Я всегда злилась, когда меня спрашивали про косметику.

– Да? И ты в это веришь? – презрительно фыркнула девушка.

Будешь тут верить, если никто не хочет Золушек, а все выбирают только фотомоделей! Конечно, не верю, но на то, чтобы наносить на лицо макияж, мне просто не хватало времени. Это означало вставать на целый час раньше, а я сова! Сколько себя помню, с раннего детства не могу просыпаться рано, потом целый день больная, просто пытка!

– А ты сегодня можешь поехать? – спросила Леля.

– Конечно, могу! – запрыгала я от радости.

Так я стала зарабатывать деньги. Не сразу, конечно, большие. Сначала не умела позировать, выбирать нужный ракурс, выигрышно рассчитывать освещение. Но всему этому нас учили, и потом у меня оказалось лицо, которое нравилось фотографам: очень хорошее сочетание тёмных каштановых волос и белой кожи, что делало снимки необыкновенно чёткими.

Нас учили ходить, правильно стоять и сидеть. Это были фото не для известных гляцевых журналов, а для всяких каталогов шуб, белья и прочего. Вскоре зарабатывала я достаточно много. Со Славиком рассчиталась, и мы зажили очень неплохо с девочками.

Посещали престижные клубы и выставки, разные мероприятия и модные показы. Мы с Инной посетили много стран, правда, ездили по горящим путёвкам, чтобы не запредельно дорого, но зато часто, особенно на праздники. Единственной проблемой в этот период была нехватка времени: с этими фотосессиями на сон ничего не оставалось.

Вы спросите: а любовь? Как же без неё, была и любовь, ведь в этом возрасте отношения полов притягивают сильнее всего. Тогда мы ещё не умели разбираться в людях, не могли понять, что ими движет, ориентировались больше на эмоции, на то, нравится человек или не нравится, и поэтому часто ошибались. Мы с подружками были молоды, хороши собой и темпераментны, что очень нравилось мужчинам. Но наши отношения ничем не заканчивались, и мы время от времени горевали по этому поводу.

Как-то мы все трое почти одновременно поссорились со своими обожателями, поэтому были немного нервные и растерянные. На улице стоял чудесный, тёплый май – первый месяц настоящей весны и томления природы. Всё цвело, благоухало и звало нас присоединиться к этому пиршеству. Но не будешь же гулять по паркам в одиночестве? Поэтому мы сидели в своей комнате и изо всех сил делали вид, что очень заняты. Я читала свою любимую Франсуазу Саган, Инесса повторяла какую-то сложную лекцию из математического анализа, и только Меланья по-настоящему грустила, маялась от неразделённых чувств и пыталась отвлечься от навязчивых мыслей, но ей это плохо удавалось.

Первой и не выдержала Мелани:

– Юль, вот ты самая умная, скажи, почему нам так не везёт?

– Ты о чём? – я притворилась, что не понимаю. – В чём не везёт?

– Как в чём? – разозлилась Мел. – В самом главном – в любви! – она даже подпрыгнула на своей кровати.

– Это самое главное? – удивляюсь я. – Если это, как сказать, чтобы никого не обидеть, наиглавнейшее, тогда не знаю... Спроси у Инны, она у нас самая мудрая.

Инка тут же включается:

– Дико извиняюсь, Мел, а что ты сегодня такая плаксивая? Такое впечатление, что у тебя что-то с гормонами. У тебя всё как-то критично-хаотично... – она испытующе смотрит на подругу.

– Нет, я не плаксивая! – Мелани громко протестует.

– Странно, а что тогда? – и тут догадка мелькает в Инкиных глазах. – Только, не говори, что ты беременна! – предполагает она.

– Представьте себе, нет! Я занимаюсь защищённым сексом! – гордо заявляет Мелани.

– И вообще! Я не об этом, я о любви говорила, а ты, Инночка, вечно про беременность! – глаза нашей красавицы выражают высшую степень недовольства поведением Инны.

– Так и я не о том, я как раз про неё, родимую – про любовь. А у вас, позвольте спросить, милая Мила, о чем идёт речь? – в этот момент глаза у Инессы честнее честного. – О любви или замужестве? – уточняет она.

Тут уже теряется Мелани:

– А что, есть разница?

Наш с Инессой дружный хохот немного отрезвляет Мел, но она не сдаётся.

– Я хочу выйти замуж по любви! – пафосно заявляет она.

Инна качает головой, совсем как бабушка Сима, и уточняет:

– По любви, но за богатого?

Мел кивает:

– Ну да!

Инна продолжает:

– По любви, но за красивого и высокого?

Мел уже не так уверена, но всё ещё не сдаётся:

– Да!

– Тогда давайте обратимся к независимому эксперту, – предлагает Инесса.

Она старательно морщит лоб, что-то просчитывает в уме, даже берёт карандаш и бумагу и выводит какие-то формулы. Мила со странным ожиданием подвоха смотрит на меня, я вопросительно смотрю на Инну, та на Мелани. И наконец наш оракул, чтоб он сто лет жил, как говорят в одном южном городе, изрекает:

– Замуж по любви? За богатого, красивого, умного и высокого? Нет, не получается, даже по теории вероятности не получается!

– Чего? – недоумевает Мила.

– Мел, будь добра, скажи, ты в школе училась или только на мальчиков смотрела? – парит моя подруга. Её глаза, и так огромные, как спелые вишни, приобретают фантастические размеры.

Милашка всем своим видом выражает крайнее несогласие с подобным утверждением, а Инесса продолжает:

– Ничего страшного, Мел. Только учёные-математики всё давно просчитали и вывели формулу, а с наукой не поспоришь! – резюмирует она.

– Что-что? – Мел уже заикается. – Ф-ф-формулу, как выйти замуж? – не верится ей.

Я вижу, что Инка уже просто в бешенстве от детской непосредственности нашей соискательницы, но теперь уж и мне интересно послушать.

– Ну, не совсем так, – начинает свой рассказ мой эрудит, – а по правде сказать, совсем не так тупо! Не формулу, как выйти замуж, а возможную вероятность выйти замуж за того, за кого ты хочешь. Понимаешь разницу, вероятность!

– И что, даже это возможно? – добивает училку наш пронизательный слушатель с гримасой крайнего недоверия на лице.

На самом деле я уже слышу Инкин немой стон, она уже просто шипит от возмущения, но что делать, не всем даны математические способности, терпи.

– Возможно! Вот смотри! Для того, чтобы вычислить вероятность события, назовем его «А», в нашем случае это «выйти замуж»... Так вот, вероятность его определяется как отношение благоприятных этому событию возможностей, их обозначим буквой «М», к числу всех равновозможных несовместимых событий, назовём их «N».

– Ну и что? Инна, ты можешь говорить по-русски? – злится Мел.

– Да ничего, – ответила та, – давай посчитаем, это очень просто. Ты делить умеешь?

– Ну, допустим, – радуется Меланья, уловив хоть одно знакомое слово в монологе строгого эксперта.

– Таким образом, событие А (выйти замуж) равно М поделить на N! Итак, «М» – это у нас благоприятное! Возможное событие! В нашем случае – встреча с принцем, то есть единица.

– Почему единица? – открыла рот Мел, забыв о страхе показаться глупой.

– Слушай, Милашка, а что у тебя в начальной школе было по математике? – возмутилась наша всезнайка. – Если судить по тем вопросам, которые ты задаёшь, начинать объяснять тебе надо с таблицы умножения!

Тут уж мне пришлось вмешаться:

– Солнышко, единица, – сказала я, – потому что возможность встретить такого человека, как ты хочешь, настолько благоприятная, что может быть только один раз в жизни!

– А, теперь, понятно, – вздохнула наша сложно обучаемая подруга, покосилась на Инну и заявила: – Могут же люди объяснять!

Инка фыркнула и посоветовала повторить лекции первого курса по теории вероятности, но Мелани уже увлекла сложная игра цифр.

– И что дальше? – невинно спросила она.

– А дальше полный параллелепипед! – вспомнила я приколы школьных лет.

– Да... – подтвердил новоявленный магистр, – на этом все восхитительные события заканчиваются!

– Но почему? – Мила опять превратилась в незащитного ребёнка.

– Потому что это математическая формула, и в знаменатель мы ставим равновозможные несовместимые события, а их неизмеримо больше, и сейчас надо их все определить, – подсказал наш математик.

– Юль, помогай мне, – попросила Инна. – Значит, молодой, ну, лет до тридцати, красивый, богатый? Событие равновозможное, но несовместимое?

– Да, – подтверждаю я, – совместимо оно только в сказках.

– Дальше: неженатый, ну желательно, опять же богатый, щедрый, великодушный, совместимо, но невозможно?

– Инка, – спрашиваю я, – у него будет хоть один недостаток, а то как-то нежизненно у тебя получается.

– Я что, – возмутился наш Пифагор, – пусть мечтательница поможет, – обратилась она к Миле. – Давай нам хоть что-то отрицательное.

Та думала долго и выдала:

– Разведённый, но без детей!

Мы с Инной уже откровенно катались со смеху! Нифигасики недостаток! Боже, как хорошо, что она у нас есть! Это чудо, луч света!

– Да, – сказала светоч мудрости Инесса, – сложно тебе будет выйти замуж, девочка!

– А, почему? – всё-таки Мелани неисправима.

– Да потому, что с такими запросами, как у тебя, даже по теории вероятности возможность встречи подобного экземпляра практически равна нулю.

– Знаешь, Инночка, – парирует наша двоюродная сестра, – а тебе будет ещё тяжелее выйти замуж! Мы вопросительно смотрим на Мел.

– И почему? – спрашиваю я.

– Угадайте с трёх раз, – не унимается новоявленная интриганка.

– Мел, кончай шантаж, а то, знаешь, иногда самая большая мудрость – не говорить глупостей, – подначивает её Инна.

– А вот и не угадала! Тебе будет сложно, потому что ты слишком умная. Кто же захочет жить с Софьей Ковалевской?! – выдаёт Милашка, и это на самом деле похоже на истину. Вот и скажи, что она дура, как-то не сходится.

Мелани, довольная собой и тем, что в кои-то веки уела Инессу, что реально не просто, предлагает попить «чаёчку-кофеечку». Инна молчит, я знаю, что она не обижается, потому что действительно слишком умна, чтобы злиться на правду. Мне хочется разрядить обстановку, поэтому я предлагаю:

– Инусь, я знаю, что делать: мы с тобой поедим за женихами в Силиконовую Долину.

Мелани подозрительно смотрит на нас, теперь уже она не понимает: правда или нет? Инка предлагает ей:

– Угадай с трёх раз? – и мы все трое весело смеёмся.

Я немного посидела, перепроверила Инкину мазню, но с наукой действительно не поспоришь, в числителе таких равновероятных несовместимых событий набралось более трёхсот, что и означало озвученный выше результат. И мне стало очень грустно. Оказывается, не только Мелани хочет замуж за принца.

Так прошло первых пять не детских, но ещё и не взрослых лет. Дипломы и курс введения в самостоятельную жизнь мы получили. Вот и настало время разъехаться, потому что мы выросли из института и из нашей комнаты в общежитии.

* * *

Легче всего было устроиться Инессе. У неё родовитая семья с большими связями. Папины друзья или родственники смогли определить её в Минфин, а родители купили ей квартиру, не в центре Москвы, но в очень приличном районе.

Мелани устроилась финансистом в одну очень крупную компанию в нашей стране, где, по слухам, даже у уборщиц заработная плата достигает трёхсот тысяч рублей, и на работу они ходят с сумками от Биркин. Не знаю, как ей это удалось, секрета она пока не выдаёт. Мила сразу сняла себе очень миленькую квартирку.

Со мной тоже всё хорошо, не зря же я унаследовала бойкий характер и заработала красный диплом одного очень престижного вуза. Кроме того, положительную роль сыграли отзывы о практике, полученные в иностранных банках, и знание языков. Я подготовила резюме и разослала их по лучшим предприятиям и банкам. Ответы пришли из нескольких, я выбрала наиболее подходящий по предложенным условиям вариант и, гордая собой, своей независимостью и самостоятельностью, приступила к работе.

Но всё оказалось не так просто и не так красиво, как мне рисовалось. Банк, как бы это сказать, был небольшой, а если честно, маленький. Сейчас я точно знаю, что выжить среди гигантов он не мог никак, только при наличии каких-то сказочных условий, например, если бы кто-то богатый и добрый вдруг увеличил уставной капитал банка раз в десять. Но таких проницательных олигархов не нашлось, никто в нас не хотел инвестировать, и мы медленно тонули. Коллектив и так был не самых строгих правил, а в обстановке тревоги и нервозности люди просто начинали тихо ненавидеть друг друга, и всё это очень мешало работе.

Довольно быстро меня назначили начальником валютного отдела, но это не очень радовало. Я понимала, что происходит что-то не совсем правильное, а сказать по правде, совсем неправильное. В банке откуда-то появлялись бородатые люди с мешками наличных денег, открывали счета, на них появлялись заоблачные суммы, которые затем в течение всего нескольких дней испарялись из активов и реестров. Чаще всего их перекладывали на валютные счета, и потом всё это улетало в зарубежные финансовые учреждения и офшоры. А нашему банку полагались ну просто неприлично приличные комиссионные.

Заработная плата меня радовала, но очень скоро я поняла, что это не банк, а прачечная по отмыванию денег, и что с этим делать, я не знала. Впервые в жизни я не могла найти выход.

Идти в прокуратуру – смешно, всё делалось слишком открыто и нахально, наверняка была «крыша», просто так никто бы не рисковал. Обсуждать эту проблему с кем-то было очень опасно, можно влипнуть в неприятную историю.

Мама говорила: если не знаешь, что делать, не спеши, а если не уверен в победе, не ввязывайся в драку! Боже, Юля, ты правда малость без головы, в какую драку? Это всё равно, что тебе выйти на ринг против Тайсона. И я приняла решение уволиться. Было неприятно терять работу и приличную заработную плату, но самое обидное – это чувство бессилия и ощущение чего-то противного. Вот и учись всю жизнь!

Моя интуиция меня не подвела: этому кредитному учреждению скоро пришёл конец. Центробанк отозвал лицензию, банк закрылся, а я поняла, что очень многого не знаю. Не могу уловить чего-то самого главного, не всегда принимаю правильные решения при работе с коллективом, не сразу распознаю обман и вообще, как мотылек на свет, сама лечу в ловушку. Я же сама его выбрала, этот банк! Хорошо, хоть интуиция у меня скорпионья, это иногда спасает.

Я решила взять паузу и поехала в родной город, который очень любила.

Стояло знойное жаркое лето, обычное в южных провинциях России. Я давно не была здесь, и мне показалось, что город наполнился какой-то замечательной красотой, не такой бьющей в глаза и нарочитой, как в столице, но всё было обустроено с милым сердцу, ненавязчивым комфортом.

Мама уже не работала, на этом настоял Славик, и их отношения сильно изменились. Славик стал оберегать маму, словно она ребёнок или несамостоятельный человек. Он постоянно был на связи, звонил, спрашивал, где мы, что делаем, это всё было очень на него непохоже и странно.

Дома он смотрел на маму с обожанием и лаской, ловил её взгляд, чтобы подать тапочки или очки. Сейчас я понимаю, что была тем летом эгоисткой, думала только о себе, потому что переживала сложный период в жизни и запуталась в своих делах. Наверное, это помешало мне пристальней взглянуть в то, что происходит, и во всем разобраться до конца. Но этого не случилось. Моя хваленая интуиция спала, и я вместе с ней проспала самое главное.

Я пробыла дома около месяца, а потом заведующий ведущей кафедры нашего вуза позвонил мне и сделал предложение, от которого я не смогла отказаться. В тот же день улетела в прохладную Москву, оставив колоритный южный город. Не могу сказать, что с лёгким сердцем, оно щемило ужасно; какая-то тоска, природу которой я не могла себе объяснить, не давала мне покоя, а в горле предательски першило.

Я улетала, и чем дальше уносил меня самолёт, тем больше отдалялась и всё сильнее стиралась какая-то недосказанность, возникшая между мною, мамой и Славиком.

Позже, примерно через месяц, Славик всё-таки позвонил мне и сказал, что мама тяжело больна и что ей надо делать сложную операцию. Для этого он повезёт её в Германию. Это было самой неожиданной и страшной новостью для меня.

В Москве я сразу отправилась в университет, к Вилену Юрьевичу, чтобы обсудить его идею. Надо сказать, что это был мой любимый преподаватель, у нас установились дружеские отношения во время учёбы, и мы поддерживали их и после окончания мною вуза. Предложение

было просто королевское, это было то, чего мне очень хотелось, но о чём я даже не смела мечтать! Итак, у меня появился реальный шанс получить дополнительное образование по системе МВА в очень престижной бизнес-школе в Лондоне!

Правда, мой преподаватель начал разговор со мной с очень странного вопроса:

– Юленька, надеюсь, Вы не замужем?

– Конечно, нет! – засмеялась я.

– Тогда вы, возможно, единственный претендент, который сможет преодолеть все сложности и всё-таки пробьётся в Лондон.

Проблема состояла в том, что по обмену опытом от нашей стороны нужно было отправить студента, обязательно женского пола, который при этом должен практически в совершенстве владеть английским, сдать профессиональный экзамен, собрать кучу всяких документов и который сможет покинуть родину на два года. Он должен быть готов жить в весьма скудных условиях, потому что Лондон – это очень дорогой город, и при этом заниматься двадцать четыре часа в сутки.

Зато я выигрывала оплату обучения, так как отправляющая сторона брала её на себя, и это был огромный плюс, потому что стоимость МВА в одной из самых знаменитых школ просто неподъёмная, во всяком случае, для меня.

Моя кандидатура прошла одобрение во всех инстанциях, ещё какое-то время заняло оформление документов, и вот я уже студентка.

Меня заранее готовили, что будет сложно получить этот заветный диплом, но действительность превзошла все ожидания. Обучение там организовано по групповой методике. Изучая новые материалы, необходимо обмениваться мнениями со своими коллегами по рабочей группе. По замыслу разработчиков, это развивает навыки ведения дел в большой корпорации, вызывает ощущение чувства локтя и формирует важное умение – выслушать всех, а потом молниеносно, по одному ключевому слову выбрать наиболее оптимальный вариант.

Занятия начинались в девять утра и продолжались до семнадцати часов, но и после занятий никто не уходил, все оставались в аудиториях, чтобы закрепить пройденный материал. Это обязательное условие, там так принято, а что прикажете делать? Со своим уставом сиди дома! И на самом деле так даже лучше запоминается, а уж веселее точно!

Я долго не могла понять, почему это образование такое дорогое, неужели плата только за престиж? Но потом увидела, что организаторы не скупилась и приглашали к нам на лекции самых успешных и добившихся наилучших результатов в своём деле специалистов: финансистов, психологов, политиков, управленцев, преподавателей по искусству речи и многих других. Эти штучные учителя стоили очень дорого, лекции их запоминались и звучали в ушах ещё долго. Всё-таки этот их принцип личного примера очень действенный, он бьёт по самолюбию и так сверхамбициозных людей (а другие туда просто не могут попасть, потому что вся система отбора нацелена именно на таких) и вызывает вопрос: а чем я хуже?

Много времени отводится исследованию мотивации поступков, психологической составляющей, знания которой необходимы, чтобы уметь управлять собой и другими людьми. Также большое внимание уделяется разнообразным тренингам и тщательному разбору конкретных ситуаций.

Ещё одним очень важным и строго соблюдавшимся принципом был набор слушателей из всех стран мира, это делалось в целях глобализации бизнеса, а также в целях получения студентами навыков общения с людьми разных культур и менталитетов. Со мной вместе учились студенты из пятнадцати стран, от Кореи до Латинской Америки, был даже один арабский шейх из Саудовской Аравии.

Вначале я не замечала, но потом стала обращать внимание, что каждый день возле меня на занятиях садится один очень вежливый молодой человек. Было приятно, когда кто-то ждёт, приносит кофе, да просто всегда улыбается и рад твоему появлению. Это был студент из

Южной Кореи, звали его Ли Джин-Хо, что в переводе означает «лидер, золотой герой». Вот такой золотой мальчик обратил на меня внимание. Мы были абсолютно разные, я бы сама никогда не разглядела худенького, неброского мальчика-мужчину. Только глаза его выдавали: взгляд был не детский, а очень даже пылкий и всё замечающий.

Вскоре мне пришлось ещё раз убедиться, что внешность обманчива. Моё самолюбие было крайне задето, когда я узнала, что рейтинги Хо гораздо выше многих других слушателей и выше моих! Оказывается, за ним уже выстроилась целая очередь соискателей-работодателей, и многие хорошо известные в мире фирмы хотели бы его заполучить.

Джин-Хо был просто фанатично работоспособен, непостижимым образом моментально схватывал главное, имел феноменальную математическую память. Он мог запомнить сразу более двадцати цифр подряд. Но самое главное было не это! Этот кореец, Ли Джин-Хо, был победителем огромного количества компьютерных соревнований. Он выиграл всё, что можно выиграть в этом мире, и как-то сказал, что может взломать, стереть или растворить в других транзакциях всё, что ему захочется. Даже если немного прихвастнул, я думаю, он был очень близок к истине.

Сейчас я понимаю, что не могла не увлечься этим человеком, потому что больше всего ценю в мужчине ум. Мужчина – это мозговой центр, генератор идей. Мой золотой мальчик Хо оказался очень терпеливым, он никуда не спешил и с каждым днём раскрывал свой интеллект и потенциал всё больше и больше. Преподаватели выделяли его из всех, и, честно сказать, было за что.

Чувство гордости за моего друга переполняло меня и постепенно перерастало в чувство влюблённости. Мы были слишком молоды, слишком далеки от дома и слишком нуждались в поддержке, чтобы выжить поодиночке. Конечно, всё закончилось любовью.

Мой золотой мальчик ухаживал за мной трепетно, но очень настойчиво. Скрыться от него было невозможно: такое впечатление, что он заранее знал, что случится в следующий момент. Однажды он пригласил меня к себе в гости, и я согласилась. Утром мы пришли на занятия вместе.

Партнер Хо был великолепный, как-то странно, но с ним мне даже не понадобился мой сексуальный опыт, настолько искусным любовником он был. В его отношении ко мне было много нежности и трепетности, при этом чувство меры никогда ему не изменяло. Он всегда угадывал моё настроение и был предельно внимателен, даже осторожен, хотя иногда я бывала резкой – сказывалась усталость. Но, как бы то ни было, это была любовь, достаточно глубокая, взрослая.

С девочками мы поддерживали очень тесную связь, они даже несколько раз приезжали. Мы гуляли по Лондону и были в курсе дел друг друга.

Я осознавала, что Хо – необычайно одарённый человек, его способности к математике проявились ещё в детстве, и молодцы родители, которые заметили их и дали ему обучение не в простой школе. Он действительно был на голову выше многих, и я даже не понимала, зачем ему MBA?

Однажды мы сидели вечером дома и обсуждали перспективы нашего будущего. Учёба уже подходила к концу.

– Понимаешь, я хочу сделать карьеру, а для этого мне нужна следующая ступень и работа в престижном учреждении, – Хо назвал очень могущественную корпорацию, известную во всем мире, куда его пригласили работать, и сказал, что он уже дал согласие.

Я хотела спросить: «А как же я?». Вернее: «А как же мы, что нас ждёт?» Но не смогла, я не могу никому навязывать себя. Так уж сложилось, слишком до неприличия прилично меня воспитали.

Он, конечно, прочитал мои мысли и произнёс:

– Видишь ли, Ю, – он так всегда звал меня, – я не могу пока ничего тебе дать. У меня ничего нет, а ты очень дорогая женщина! И потом боюсь, когда ты узнаешь мою цель, ты не захочешь быть со мной, потому что это может сломать тебе жизнь.

– Я была ошеломлена, ничего более странного в своей жизни не слышала, так мне в любви ещё не признавались. Честно сказать, у меня были подозрения, что Джин-Хо что-то скрывает, уж слишком он был умён для простого клерка и даже для начальника отдела крупнейшей корпорации. А вот в Совет Директоров ему никогда было не попасть, для этого нужны огромные капиталы, а их не было.

– Твои планы настолько серьёзны, что ты не можешь сказать даже мне? – удивилась я.

– Да, это очень опасно, лучше тебе не знать.

Наверное, я перестала владеть собой. Стало очень больно, и я заплакала. Я не ожидала такого финала, почему-то мне казалось, что Хо не отпустит меня так просто. Увидев слёзы, он очень испугался потерять меня, стал обнимать, целовать мои ноги и руки и наконец сдался!

– Я сейчас сделаю величайшую глупость в своей жизни – всё тебе расскажу, а выбор делаешь ты сама, – всё-таки решился он. – Видишь ли, я не хочу всю жизнь заниматься рутинной работой и тратить свои мозги на увеличение капитала какого-то толстосума. Я хочу забрать из банка много денег, очень много, а потом исчезнуть и безбедно жить в какой-нибудь прекрасной стране.

– Подожди, но как ты себе это представляешь? Тебя же будут искать и всё равно найдут! – возразила я.

– Да, это очень опасно и займёт, наверное, лет десять, но многое я уже придумал. И это основная причина, по которой не могу прямо сейчас сделать тебе предложение, – Хо виновато посмотрел на меня.

– Не переживай, я все понимаю: деньги ты любишь гораздо сильнее меня, – горько усмехнулась я. – Что ж, спасибо за правду, это успокаивает.

Здесь я вспомнила про Милу и про то, как некрасиво используют её мужчины. Хорошо хотя бы то, что Хо жил со мной не из корыстных побуждений, убеждала я себя, что чувства всё же были.

– Не бойся, буду молчать как рыба, – успокоила я Хо.

Он странно посмотрел на меня и возразил:

– Но рыбы разговаривают, они издают звуки в диапазонах, которые недоступны людям!

– Не бери в голову, это просто в России так говорят.

Через неделю мы получили заветные дипломы, отметили это событие, обменялись адресами и паролями и разъехались. В день прощания мой, нет, уже не мой Ли Джин-Хо выглядел сумрачным и подавленным. Он поехал провожать меня в аэропорт и в последнюю минуту сказал, что я лучшее, что было в его жизни, и что он только сейчас понял, как любит меня. Мне было смешно и грустно! Но хорошего было больше, поэтому я ответила, что насчёт лучшего возможно, а вот насчет любви сильно сомневаюсь. Потом он сказал, что должен был лететь в Гонконг, город-мечту всех финансистов, и сразу возглавить там крупнейшее отделение, но отказался и останется в Париже, чтобы быть поближе ко мне и летать на выходных в Москву. Вот это уже похоже на жертву, но как-то не впечатляет.

Мы простились. Я обернулась: он смотрел мне вслед и был каким-то сникшим. «Неужели уже жалеет о Гонконге?» – язвительно подумала я.

В Москве меня ждали девчонки, родные столичные пробки, холод, грязь и слякоть. Ну вот и хорошо, наконец-то я дома.

* * *

Мой резвый «мерс» весело мчался по загородному шоссе, а я, дав мозгам передышку, старался ни о чём серьёзном не думать и лениво смотрел в окно, на летящие навстречу подмосковные рощи. В детстве я очень любил смотреть из окна автобуса или трамвая и всегда старался сесть возле окна, не знаю почему, но мне это доставляло удовольствие. Сколько лет прошло, а привычка осталась. «Даже удивительно», – усмехнулся я. В то время не то что мерседеса, вообще никаких машин у нас не было, уже потом, когда я окончил школу, у отца появилась «девятка» модного по тем временам красного цвета. А вот сейчас мне пришлось купить машину с бронированным корпусом, который выдерживает взрыв мины и автоматную очередь, а под капотом которого спрятана система пожаротушения. Дверцы мгновенно блокируются в случае нападения, и открыть их с внешней стороны нельзя, очень мощный мотор позволяет развивать огромную скорость, а покрышки сконструированы так, что даже при попадании по колёсам машина продолжает движение со скоростью не менее ста пятидесяти километров в час. И это не «понты», это необходимая и вынужденная мера защиты. Человек, управляющий финансами, всегда приманка для мошенников всех мастей. Хотя кожаный салон, пуленепробиваемые стёкла, спутниковое телевидение, бар и офис – вот это уже «понты», но всё включено, не откажешься. Я мысленно ещё раз похвалил себя за то, что выбрал именно эту машину. Всё-таки комфорт и надёжность становятся главными в нашей жизни.

Мы уже подъезжали. Мой хорошо обученный водитель снизил скорость на повороте, затем промелькнул пункт пропуска в наш дачный посёлок, и потянулись дома соседей и друзей. По сердцу разлились спокойствие и тепло. Так всегда бывает, когда узнаёшь знакомые места. И я снова порадовался, что мне удалось выбраться в свой загородный дом. В последнее время это случалось нечасто, а жаль.

Здесь было очень красиво, зелено, а главное, тихо. Просто какое-то завораживающее спокойствие. Мы не жили на даче постоянно, в основном приезжали летом, когда тепло, всё расцветает и с улицы вообще не хочется уходить, но я любил бывать тут и осенью, и зимой.

За порядком на участке и в строениях следила помощница, которая жила здесь круглый год со своим мужем, поэтому чистота и вкусный обед мне всегда были обеспечены.

Я поднялся в дом, где меня уже ждали. Татьяна Сергеевна хлопотала с ужином. Я попросил её сварить борщ, надоела ресторанная еда, захотелось чего-то домашнего, настоящего, острого и горячего, чтобы сразу согревало. Зная мои пристрастия, домработница старалась мне угодить, и это ей удалось.

Отужинав, я прошёл в свой кабинет и, водрузившись в любимое кресло, укутавшись в плед и прихлебывая чай, приступил к увлекательному занятию – изучению своей биографии в Википедии. Я и не подозревал, что это так интересно. Мы как-то собрались с друзьями, разговорились, и выяснилось, что несколько моих коллег были недовольны тем, как их там пропечатали, если можно так выразиться.

Итак, Герман Алексеевич Громов, в настоящее время занимает пост президента финансовой корпорации Интерфинанс, одноименный банк которой входит в двадцатку крупнейших банков страны. Пока всё правильно. Родился... Год, число и месяц совпадают... Понятно, в Москве, отец – полковник ФСБ в отставке, мать – преподаватель английского. Тоже верно, повезло с родителями, благодаря маме с детства владею языком, что очень важно в моей профессии, а папа научил выдержке, аккуратности, умению добиваться цели и познакомил с нужными людьми. Я немного погрузился в детство и вспомнил его сладкий вкус.

Так, что ещё нового узнаю о себе? С детства был примерным учеником, побеждал на олимпиадах и очень рано выбрал профессию. Я скривился, как будто лимон проглотил. Полная лажа! Никаким примерным я не был, такой же, как все дети, вон с Ленькой Зайченко дрался

во дворе как ненормальный – за лидерство и за девчонок. Ему почему-то всегда нравились те, которых выбирал я. Но выбирал-то я их для себя, а он вечно «влезил»...

И учился хорошо потому, что мама в этой же школе работала, и в олимпиадах побеждал по той же причине. Мама даже хотела за меня переписать сочинение на выпускном экзамене, чтоб точно на медаль. Но я воспротивился, был скандал, медаль не получил, о чём несколько не жалею!

А профессию выбрал случайно, в тринадцать лет прочитал книгу про финансы и ставки, сразу захотел поиграть на бирже, только в то время их у нас не было. Зато теперь есть, а вот играть что-то расхотелось.

Так, что же дальше? После школы поступил в МГУ, защитил диплом. Было дело, и даже год правильный. Хотя папа был против универа, хотел, чтобы по его линии пошёл, но я не смог, не моё. А батя сильно на меня наезжал, я, по его понятиям, предал семейные идеалы...

Защитил диссертацию в Беркли, США, Калифорния. Ты смотри, и это знают! Год напутали, а тема правильная, старался. Повезло мне с Беркли! Это было странное время – ожидание каких-то нереальных событий. В то время попасть в Беркли – всё равно что попасть на крейсер Аврора в ночь перед штурмом Зимнего в семнадцатом году! Самый либеральный город Америки, наполнен студентами, авантюристами и представителями однополых меньшинств. Такой разнокалиберный калейдоскоп, и всё это имеет право на жизнь и право на выражение своих принципов, а тем более на их защиту! Демократия, больше похожая на анархию, этакая плохо поддающаяся анализу волна вольности.

Вначале меня закружило, опьянило и понесло, но потом, когда сторонники разных воззрений после долгих дебатов на моих глазах набили друг другу морды и всё остальное, я, конечно, поостыл. Спасибо, гражданская война у нас уже была, ничем хорошим не закончилась. К либералам всех мастей я с тех пор стал относиться с большой осторожностью, да и опыт приобрел серьёзный, потому и в политику не полез, хотя сватали, и очень настойчиво.

И с Яблонским знакомили, и программу партии помогал ему готовить, и даже самому во власть тогда захотелось. Но не зря же стажировался в Беркли. Американцы говорят: надо заниматься тем, что у тебя лучше всего получается.

Стоп! А ну-ка минуточку, и тут про «Апельсин»! И мои политические метания прописали, ничего не скроешь. А с другой стороны, ну было же? Пусть пишут, хотя опять всё наврали. Образование у меня экономическое, финансист по специальности, вот финансами и занялся. Всё-таки этот либерально-студенческий городок подпитал меня демократическими ценностями, и под их влиянием диссертацию написал о необходимости для нашей финансовой системы интегрироваться в мировую. Сейчас это неактуально, мы уже переинтегрировались, а вот в годы застоя это были революционные идеи.

О! Тут и пишут, что мои работы вошли в учебники студентов экономических вузов! Надо же, сколько нового про себя узнаёшь!

Так, вроде больше ничего интересного. Женат, жена – дочь известного в СССР политического деятеля. Двое детей. Хоть это правда. Хорошо, что не десять, да ещё от неведомых особ, как приписывают одному известному демократу.

Ощущение от прочитанного осталось неоднозначное. Вроде и не правда, и не ложь, вот всегда у нас так. Я задумался.

Судя по Википедии, получалось, что и жену я выбрал из меркантильных соображений, из-за величия её отца. Но это не так. Я любил Алину и долго её добивался. Кроме меня, за ней ухаживал Лёнька Зайченко, или Заяц, как его звали в школе. Потом были бурные годы молодости, со всплесками эмоций, любовью, страстью, ревностью, ссорами и примирениями. Всё было, а расчёта не было.

А вот сейчас никак – ни мира, ни войны. Остыли мы как-то, перегорели. Алинка не может мне простить того, что ушёл из политики. Денег ей хватает, а вот тщеславие осталось

неудовлетворённым: ей бы очень хотелось видеть меня в правительстве или Государственной думе. Но тут я повёл себя очень жёстко и закрыл этот вопрос навсегда. Алина обиделась и замкнулась.

Я раздумывал, что мне теперь с этим делать. Полного развала отношений не хотелось... Но что-то новое придумать мне не дали, размышления прервал сотовый. Не очень хотелось отвечать, но звонил тот самый Зайченко, лёгок на помине, сто лет жить будет.

– Привет, – отозвался я, – говори, что стряслось.

– Да вот мимо проезжал, хочу заехать повидаться. Ты дома?

– Дома, жду, – пригласил я друга, но его звонок немного меня озадачил.

Леонид жил в Москве, и за городом ему делать было нечего, тем более проезжать мимо. И, другое, гораздо более серьёзное: как он узнал, что я именно здесь? Ещё утром я сам не был уверен, попаду ли на дачу или останусь ночевать в городской квартире, в течение дня ни с кем это не обсуждал.

Странно, вывод напрашивался только один: неужели он следил за мной? Флер дружбы мешал мне принять эту правду, но другого внятного объяснения я не находил. Лёнька, Лёнька, столько лет вместе!

Сегодня просто вечер воспоминаний. Мы жили в одном дворе, а учились в разных школах. Как ни странно, но наша дружба началась с ссоры, я уже не могу вспомнить из-за чего, но помню, что завязалась драка, прямо на улице, и мальчишки постарше нас растащили, потом мы месяца два не разговаривали.

Но в моем детстве все события происходили во дворе, других мест общения не было, а погонять мяч или поиграть в «войнушку» очень хотелось, волей-неволей пришлось заговорить, правда, иногда чёрная кошка пробегала между нами, и тогда мы дрались.

Оба были резкие, упрямые и отчаянные, один никогда не уступит другому. Потом подросли и очень сблизилась, тем более, что вместе стали ходить в секцию бокса. Мы никогда не говорили об этом, но каждый знал: один не сдаст другого. Мы с ним были ядром нашего двора, да можно сказать, и улицы, другие пацаны чувствовали нашу силу и трогать нас побаивались. Потом вокруг нас стали образовываться группы, появились девчонки и первые отношения. Повзрослев, понял, что мы просто были два лидера в одной компании, и ни у кого стать первым не получалось.

Окончив школу, Лёнька пошёл в военное, я в университет, но дружба, а главное, чувство локтя осталось. Сейчас Леонид Иванович Зайченко занимает очень высокий пост в одной престижной спецслужбе. Иногда я думаю: надо же, коллизия жизни: Лёня работает начальником именно того управления, которое занимается экономическими преступлениями, то есть ловит представителей моей профессии, нечистых на руку.

Наши доверительные отношения испортились только один раз, когда мы оба влюбились в одну девушку. Но это было давно, Алина выбрала меня, и Заяц долго не приходил к нам, потому что очень переживал. А потом он женился, появились дети, и всё наладилось, мы стали дружить семьями.

Леонид уже подъехал, и я вышел на крыльцо его встречать. Жёсткое рукопожатие убедительно подтвердило, что Зайченко не теряет форму и физической силой обладает значительной. Мы давно не виделись, и я как-то по-новому посмотрел на друга: крепкий, плотный, коротко стриженный, с цепким взглядом и приплюснутым носом боксёра, он был очень энергичным и сразу производил впечатление сурового, способного решить любую проблему мужика. Казался выходцем из народа, таких лиц, широкоскулых, с коротким широким носом, очень много на улицах любого города, при этом был очень умён, хитёр и занимал нешуточную должность. «Да, – подумал я про себя, – не прост ты, Лёня, ох, не прост».

Мы прошли в мой кабинет и как старые друзья обнялись. Я знал, что именно он пьёт, поэтому коньяк и лёгкие закуски нас уже ждали. Леонид Зайченко, мой старинный друг, в свою очередь, придирчиво оглядел меня и с какой-то небольшой ревностью заявил:

– А, ты всё такой же, красавчик, плейбой, и возраст тебя не берёт, и вес не прибавляешь. Что делаешь? Неужто пластикой увлёкся? Только, честно скажи, ботокс уже колол? На спорт времени хватает? – начал он допрашивать меня.

Между нами всегда было такое небольшое соперничество, он ревностно относился к моей внешности и успеху у женщин. Конечно, я всегда придавал значение внешнему виду. Это же визитная карточка для любого человека, но Лёнька явно преувеличивал мои старания, до ботокса и пластики дело ещё не дошло, хотя я знаю несколько политических деятелей, которые не брезговали подобными приёмами, а чего не сделаешь ради рейтинга?

Мы прошли в мой кабинет, расселись, а точнее, развалились в креслах, наполнили бокалы и выпили за встречу. Вначале разговор был ни о чём, обсуждали общие темы, но я понимал, что ему что-то от меня надо, зачем-то же он приехал, неужто соскучился?

– Слушай, Заяц, что ты темнишь? – спросил я после третьей рюмки.

Я специально назвал его детским прозвищем, чтобы позлить и чтобы он сказал немного больше, чем хотел бы. Несмотря на нашу дружбу, профессия накладывает отпечаток, с возрастом Леонид стал очень закрытым и осторожным человеком.

– Да ничего я не скрываю, Громушка, – подхватил он игру, назвав меня школьным позывным. Потом стал серьёзным.

– Ты себе не представляешь, что творится. Сейчас чистка пошла по банкам, уже не в месяц – в неделю по пять банков закрывают! Везде «дыры» в миллиарды, и всё выведено в офшоры.

– Это ты мне про банки рассказываешь? Наслышан, это моя работа. А что ж вы их, этих умельцев, не посадили? Посадки где? Если они всё растащили? – возмутился я.

Леонид посмотрел на меня изучающим взглядом, потом всё-таки решил быть откровенным.

– А кто мне разрешит? Над нами прокуроры, правительство, олигархи. Все эти Доры, Жоры и Лоры, которые кормятся с этих банков.

Так мы называли близких родственников людей, облечённых властью: Доры – дети ответственных работников, Жоры – жены ответственных работников, ну и любовницы их же.

Леонид скривился, его лицо приобрело даже не злое, а какое-то ожесточённое выражение. Он сосредоточился, и по его виду я понял, что не самые приятные мысли занимали моего друга.

Кабинет у меня был не маленький, достаточно просторный, и я настоял, чтобы в нем был камин, люблю, когда в доме пахнет хвоей и смолой, горящими дровами. Сейчас камин мирно потрескивал, создавая уют. Я встал, подошёл к нему, поворошил угли и добавил в огонь ещё несколько небольших поленьев. Лёнька всё молчал, мне не хотелось ему мешать, я долил коньяка в рюмки, мы выпили.

– А ты слышал, чем дело Павловского закончилось? – спросил он.

Я кивнул. Это было очень шумевшее расследование против одного «полуолигарха» – полусумасшедшего, который лично у меня вызывал отвращение своей беспринципностью и мерзким поведением.

– Вот-вот, – продолжал Леонид, – мало того, что всех дольщиков кинул, «бабло» с людей в пару миллиардов собрал, а строить ничего и не собирался, так ещё красивые макеты о сказочной жизни сделал, распиарил, народ поверил, заглотив живца и деньги ему в доленое участие отдал: как же, город будущего! – Лёнька возмущённо выдохнул, наколол вилок кусочек слабосолёной семги и отправил в рот. – А тот стал пользоваться чужими деньгами, как своими собственными! Я сначала думал, что он с головой не дружит, что его аист, пока мамке нёс,

раз пять уронил, но законы он знает чётко, – Леонид остановился, посмотрел на бокалы, я наполнил их снова.

– И то ведь правда, по нашему законодательству получается, что хочешь, то со средствами дольщиков и делай, нет такой организации в стране, которая бы их контролировала. Хочешь – строй, не хочешь – на бирже играй, в офшоры спускай, такое впечатление, что закон специально для Павловского и писали! Вот он и ведёт себя, как отморозок! Прямо в рожу мне хохочет, так и не зря ведь хохотал, выпустили прямо в зале суда! Истёк срок давности! Надоело всё, смертельно! Я уже больше не могу здесь! Так хочется уехать от всего этого кошмара.

Я удивлённо посмотрел на Зайца – раньше никогда от него таких разговоров не слышал.

– Подожди, а ты куда собрался? И как ты это собираешься сделать? – спросил я, подвигая к нему закуски.

Леня выбрал тарталетку с красной икрой, одним махом закинул в рот и проглотил.

– Не знаю ещё, знаю одно: ты должен мне помочь, – Леонид посмотрел на меня с пристрастием.

– Я? Как ты себе это представляешь? – такой поворот не очень меня устраивал.

Я знал, что есть у Лёхи авантюризм, но не настолько же. Я снова пристально взглянул на него. Теперь стало понятно, почему он приехал на дачу: ему надо поговорить со мной очень серьезно и конфиденциально, чтоб исключить прослушивание. Действительно, это было лучшее место для такого разговора. Выглядел он усталым.

– Леня, может, тебе надо просто отдохнуть? Работа напряжённая, нагрузки очень серьёзные, – предложил я.

– Отдохнуть надо, но потом, сначала одно дело надо обмозговать и провернуть. Ты знаешь, я долго думал и понял, что сделать это мы сможем только вдвоём, мне нужен надёжный банк, а тебе нужно мощное прикрытие, – он выжидающе посмотрел, глаза его сузились и как бы прощупывали меня.

Я припомнил, что у Ленки почему-то застопорилось очередное назначение, но он причин не называл. Я навёл справки, и выяснилось, что Леонид вёл одно очень запутанное дело с участием высокопоставленных сановников, у него даже были неопровержимые улики.

Он наехал на одного крутого фигуранта, да не рассчитал силы, тот оказался позабористей, имел своих людей в правительстве, вот Лёньку и щёлкнули по носу. Обидно, конечно, вроде за правду мужик пострадал. Но эта игра с очень высокими ставками, поэтому просчитывать здесь надо сто раз и очень тщательно. Леонид это прекрасно понимал, мужик он был толковый, а вот всё равно обидно.

В кабинете было тепло и уютно, кресла были мягкие, приглушённый свет торшера и потрескивание дров в камине действовали умиротворяющее, коньяк начал размягчать наши головы и мысли, и мы немного раскисли.

– Гера, нам надо валить отсюда, я уже давно понял. Допустим, сейчас у тебя всё прекрасно, ты Президент «Интерфинанс», а вдруг твой банк кому-нибудь понравится, кто посильнее тебя? Можешь поверить мне, найдут сто вариантов честного отъёма собственности у населения. И всё! Хорошо, если голову унесёшь и ноги, а ведь и пострадать можно.

Я удивлённо посмотрел на Зайца: надо же, он сказал то, о чём я только что подумал. Сидел он, развалившись в кресле, и огромное кресло было ему маловато.

«Да... заматерел», – подумал я, и не только про фигуру. Честно сказать, мне совершенно не понравились слова Леонида. Но то, что они сделали с огромным и мощным банком «УГРА», просто не укладывается в сознании и вообще не должно происходить в правовом государстве. У банка лишь на основании совершенно непонятных, надуманных претензий в течение нескольких часов отозвали лицензию и ввели внешнее управление, отстранив прежнее руководство. Поэтому я задумался.

– Помнишь, я просил тебя об одном одолжении? – спросил Леонид приглушённым голосом, и в глазах его загорелся огонёк заговорщика.

Помнил ли я? Конечно, не забыл, месяца два-три назад Леонид уже приезжал ко мне и просил помочь ему перевести в офшоры значительные суммы, я пытался объяснить ему, что это просьба плохо пахнет и на грани нарушения законодательства, но он ничего не хотел слышать, заявив, что все вопросы с законом берёт на себя. Я уже раздумывал, как отказать ему, чтобы не обидеть, но он затих и больше к этому вопросу не возвращался, и вот опять.

Я кивнул:

– Конечно, помню!

– Это хорошо, так вот, задача усложняется, работать придётся примерно по такой схеме, допустим, у нас есть банк А, банк В и банк С. И есть три фирмы: № 1, № 2, и № 3. Предположим, фирма № 1 берёт в банке А кредит, покупает финансовые активы и переводит их в управление банку С, и он управляет за неплохие деньги. Потом, по поручению фирмы-собственника, по хорошей стоимости продаёт их банку В. В это время фирма № 1 перепродает права на ценные бумаги фирме № 2, а та через некоторое время перепродает № 3! И всё, для фирмы № 1 финита ля комедия, она или растворяется и исчезает, или её банкротят, это уже не важно, отработанный элемент. Теперь этими активами владеет фирма № 3, поэтому фирма № 2 тоже уже не нужна. А вот фирма № 3 поручает банку перевести активы на указанные нами счета. Конечно, детали могут уточняться. Ну как тебе?

Я смотрел на Леонида во все глаза. То, что он предлагал, было совершенно неожиданно для меня, это не могло мне даже присниться: человек, облечённый властью обязанностью ловить преступников, предлагает мне мошенническую схему, не самую толковую, которая у профессионалов могла вызывать много вопросов. Но теперь уж надо договорить до конца, по натуре я педант и привык всё доводить до логического завершения.

– Подожди, ты хочешь сказать, что собираешься вывести за рубеж заёмные средства и деньги вкладчиков, если заёмных не хватит? – уточнил я суть происходящего у моего друга.

Тот с улыбкой уставился на меня:

– Ну как тебе сказать: по правде или как есть? А что тебя пугает?

– То есть вы заранее знаете, что деньги никто отдавать не собирается?!

– Предположим, что да! – его тон был невозмутим, а вот мне стало не по себе и совершенно не хотелось в этом участвовать.

– Гера, но это же не бесплатно, никто же просто так рисковать не будет, каждый получит свою долю: и за выданные деньги, и за переводы, и за участие, и потом, главное, мы гарантируем прикрытие, – пояснил Леонид, запивая сказанное коньяком.

– Лёня, неужели ты не понимаешь, что это добром не кончится? Ты предлагаешь разорить множество честных людей, которые по глупости или под твоим нажимом, что вероятнее всего, доверят подставным фирмам свои деньги, которые через очень короткое время просто испарятся, растают как снег весной! – я начал заводиться, и голос мой звучал чуть громче обычного.

Леонид тоже стал нервничать, выпитый коньяк уже подействовал, речь его стала более резкой, а щеки покраснели.

– Герман, ты меня удивляешь! Ты не чувствуешь опасности? У нас с тобой не самые простые должности, и многие бы хотели нас «схватить», как говорят мультяшные герои. В этом случае выход только один: всё перевести в офшоры и улететь в тёплые края! – Журавли ле-е-тя-я-т в Китай, – самозабвенно прикрыв глаза, пропел он пьяным голосом строчку из популярной песни.

– Только ты не уле-е-тай, – передразнил я друга. – А какую сумму ты хочешь? – спросил я. Леонид написал, не произнося вслух. Я присвистнул: это было запредельно много.

– Ничего себе! Ты хочешь вынести весь мой банк? – пришлось мне усмехнуться.

– Послушай, Герман, нам нужно постараться всего один лишь раз, и всё! Свобода!

– Ты что? Не понимаешь, как я рискую? Я финансист и зарабатываю на финансах. Мы работаем на грани фола, на самой грани разрешённого законом, но его я переступить не буду! – возразил я.

– Ты меня поражаешь, честное слово, как благородная барышня, дам – не дам, без любви! Я вообще не понимаю тебя! Что тебя заботит? Моральная сторона дела? Ах, какой честный парень, какой блюстител чистоты! Ну, и что ты с такими принципами в бизнес полез?! Да ещё в финансы! – заявил он, пьяно улыбаясь.

Я давно заметил эту его особенность: когда, принятый на грудь, винный градус уже зашкаливал, лицо Леонида расплывалось, делалось ещё шире, глаза немного добрели, их умный блеск затягивался хмельным туманом, а улыбка разъезжалась от уха до уха.

Но мне стало не смешно, я вдруг ясно осознал, что мы перешли ту черту, где кончаются шутки и начинаются никому не нужные пьяные базары. Его тупая упёртость начинала меня злить.

– Что происходит? – подумал я, и ненароком мелькнувшая мысль была острой, как скальпель, а затылок свела сильная боль. – Да это же классическая сцена агрессивного наезда спецслужб на банк с целью подчинения и перехвата финансовых потоков, вот и верь после этого в дружбу!

Я не выдержал:

– Заяц, прекращай этот бред, ты сам прекрасно понимаешь всю авантюренность и опасность твоих прожектов! Я в этом участвовать не буду!

Леонид не сразу воспринял мои слова, улыбка медленно слезала с его добродушного, расслабленного коньяком лица:

– А ты не гонишь коней, не торопишься? – злость мешала ему, поэтому он плохо себя контролировал.

– А не боишься, что завтра на твой банк наедут и ты сам все отдашь, только даром?

Мы оба с яростью уставились друг на друга.

– Леонид Иванович, алкоголь мешает Вам здраво мыслить, поэтому следите за фигурой речи, в таком тоне продолжать разговор я не буду! И потом, что это за шантаж? – я сдерживал себя изо всех сил.

– Ладно, ещё посмотрим, ещё сам ко мне прибежишь! – изрыгнул мой друг новую угрозу, махнул рукой, с большим трудом поднял свое грузное тело с кресла и, тяжело ступая, вышел из комнаты. Провожать его у меня желания не было.

– Пусть протрезвеет, – подумал я, – потом разберемся.

По опыту я знал, что в таких ситуациях его иногда заносит и он может натворить много чего интересного, о чём потом чаще всего жалеет. Подождём до завтра.

* * *

Как мне не хотелось! Но утро всё равно наступило. Проснуться было невозможно, телефон молчал, и это было самое странное.

– Я ж отключил его сам, – догадался я и открыл глаза. Включённый сотовый бренчал без перерыва, я вдруг понадобился всем сразу: коллегам по работе, маме, детям, супруге и, конечно, шесть раз звонил Заяц! Вот точно бульдозер. Рингтон снова вывел меня из терпения, я уже начинал злиться. Это был Зайченко:

– Ты помнишь, о чём мы вчера говорили?

Ни свет, ни заря, ни здравствуй, ни прощай, начал он.

– Затрудняюсь сказать, что именно тебя волнует? Ты вчера такую пургу нёс, что сам царь Соломон не поймёт, чего ты хочешь! – рявкнул я.

– Ты что, Гера, не доспал? Я спрашиваю про серьёзные вещи! – голос его, как ни странно, был очень весёлый и абсолютно трезвый, это настораживало.

– Да пошёл ты! – разозлился я, но он меня перебил:

– Не лезь в бутылку! Я догадываюсь, что ты ещё спишь, так включи телевизор – проснёшься!

Чертыхаясь, матерясь и понимая, что утро безнадежно испорчено, я включил телевизор. Услышанное произвело эффект ледяного душа.

Диктор одного из ведущих каналов без эмоций сообщал, что ЦБ в ближайшее время возьмёт под контроль и, возможно, отзовет лицензию у десяти банков, в их числе был и мой. Так вот почему он приехал именно вчера! Зайченко уже всё знал, я вспомнил его прозрачные намёки и реальную угрозу, горькая обида захлестнула меня! Ничего себе друг! Я стал понимать, что другого шанса втянуть меня в эту авантюру у Леонида, пожалуй, не было. Но как рассчитал всё, подлец! Точно, бульдозер.

И ещё я понял, что Леониду Ивановичу позарез нужны деньги, какие-то астрономические, потому что приличные, внятные суммы он мог бы взять у меня займы, как уже делал не раз. Да, и человек он был не бедный, а не сорил деньгами потому, что осторожничал, всё-таки не в простой организации работает. А вот зачем они ему нужны, пока не знал, в его легенду – якобы отъезд – я не поверил.

Мы и без ЦБ знали, что дела у нас не очень, всё-таки акции банка сильно просели, и это был мой самый уязвимый и практически неподдающийся коррекции пробел. С ЦБ я навёл мосты, свои люди там имелись, поэтому был уверен, что смогу с ними договориться, и нас уберут из этого списка.

Больше всего меня волновало другое: мне показалось, что полковник Зайченко владеет конфиденциальной информацией, и утечка могла быть только от кого-то изнутри нашей фирмы. Я очень много отдаю сил и времени охране банка, при этом сам всегда стараюсь быть крайне осторожен. Это уже стало моей нормой, моей жизнью, если хотите. А что вы удивляетесь? Банкиров прослушивают, снимают в банях, в обществе не пойми кого, убивают в кабинетах, взрывают в машинах, воруют их детей, да мало ли ещё что? Поэтому первое, что я сделал, став президентом, это усилил охрану, приняв на работу сверх профессионалов. Мы поменяли все системы контроля и видеонаблюдения и провели инструктаж со всеми работниками банка.

Ну что ж, утро задалось сегодня недоброе, так тоже бывает, значит, надо действовать очень решительно. Я начал быстро собираться, стал под душ, шум воды всегда меня успокаивал, но сейчас это не сработало! В голове всё время вертелись противные, предательские мысли, они вызывали беспокойство и раздражали. Выбирая одежду, понял, что сорочки, которая бы меня устроила, в загородном доме не нашлось, это опять вызвало прилив раздражения! Татьяна Сергеевна стала суетиться, помогать мне и всё-таки нашла в гардеробе на первом этаже устроивший меня вариант. Я вынужден был немного подождать, пока она освежит её горячим утюгом, но нервы уже были на взводе, и мне пришлось делать над собой усилие, чтобы не срываться на прислугу. От предложенного кофе я отказался, от завтрака тоже, чем очень расстроил добрую женщину.

Наконец я вышел на крыльцо и быстрым шагом направился к машине, и тут же сильный заряд ветра со снегом с разбега ударил мне в лицо. Это было неожиданно, не сказать, чтоб неприятно, но очень напоминало внезапную атаку.

– Что, не ласково, Герман Алексеевич? Небеса шлют тебе привет! Предупреждают, не расслабляйся, держи удар!

Водитель ждал меня, открыл дверцу, мы уселись, мотор взревел, замелькали дома и деревья, и машина понеслась, с каждой секундой приближаясь к конечной точке маршрута.

Но сегодня даже природа решила преподнести мне сюрприз: небо то хмурилось и чернело, то вальяжно разрешало солнцу позолотить окрестности, солнечные лучи сменялись

снежным хаосом, ветер смешивал вместе снег, небо и землю. Примерно то же творилось в моей душе, картины из детства сменялись резкими, злыми словами:

– А ты коней не гонишь? А лицензию не боишься потерять?

Но я всё ещё не мог поверить в предательство друга. Прокручивая в голове нашу встречу с Леонидом, я был твёрдо уверен, в банке действует «крот»! Кто-то сливает ему данные. Мне очень не терпелось оказаться в своём офисе, в моей маленькой, но защищённой крепости. Примерно через час я легко взбежал по ступенькам здания банка, кивнул охране на входе, вошёл в лифт. Секретарша Люся хлопотала в приёмной, увидев меня, улыбнулась.

– Доброе утро, Герман Алексеевич!

– Да уж! Не сказать, чтоб доброе! Скорее скомканное, – засмеялся я, но рабочая обстановка и спокойствие умиротворяюще на меня подействовали.

– Люся, пожалуйста, Давиденко ко мне и кофе!

Она заулыбалась:

– Легко, не успеете оглянуться, то бишь раздеться, – сказала она, намекая на мою верхнюю одежду, – пальто и шарф.

Через несколько минут в кабинете появился сухой, поджарый мужчина с острым лицом, треугольным подбородком и острым носом. Серебристый ёжик коротко стриженных волос добавлял аккуратности в образ, но выражение лица и глаз было очень хитрым, и он всегда напоминал мне старого лиса. Звали его Давиденко Сергей Иванович. Он пришёл ко мне на работу по рекомендации моего отца, старого чекиста, и был единственный, кому я доверял полностью. Человек он был волевой, подтянутый, и главное, что большая редкость в наше время, умел подчинять свои интересы служебным. Беседа с ним убедила меня, что мои подозрения имеют веские основания. Я попросил его ещё раз проверить мою машину и кабинет на «прослушку». Почему-то мне казалось, нет, я был уверен, что в машине установлен маячок, по которому Заяц меня и вычислил. Давиденко кивнул:

– Не переживайте, Герман Алексеевич, всё сделаем!

Он был очень наблюдательным, от него не укрылась некая нервозность в моём поведении:

– А что, Герман, так ли утро мудрёнее вечера? Или ночь подкидывает нам загадки? Что-то стряслось? – его озабоченный взгляд встретился с моим.

Я усмехнулся:

– Сергей Иванович, Вы, как Штирлиц! Ничего не скроешь!

– Просто ты сегодня на себя не похож, рассеян, говоришь об одном, а сам где-то далеко в своих мыслях, полное отсутствие всякого присутствия! – шутил он, но лицо и глаза были очень напряжены. Я вздохнул:

– Случилось! Правда, пока не хотел никому говорить... – я помолчал, собираясь с мыслями. – Вчера я подвергся давлению со стороны спецслужб, ко мне приезжал полковник Зайченко, мой старый «друг», – при этих словах мне пришлось выдавить из себя улыбку, – или уже недруг, теперь даже не знаю... Так вот, он предложил нашему банку участвовать в мошеннической схеме вывода средств и активов за рубеж!

– Ого! Не кисло! – Давиденко дёрнулся. – И чем мотивирует?

– Пока только намёки и угрозы под видом дружеской помощи, но очень мощные угрозы, – я прикрыл глаза, припоминая слова друга:

– Сильно похоже на правду, говорит, что наш банк кому-то понравился и его могут у нас забрать.

– Даже так?

– Да, предлагал ввести к нам своего человека, представителя спецслужб.

– Для чего? – резко спросил мой собеседник.

– Ну как же! Чтоб он всё контролировал и «помогал» мне, во всяком случае, легенда такая, а на самом деле он будет отслеживать каждый мой шаг, а затем доносить господину полковнику!

– Ты понимаешь, что этот человек будет просто разворовывать наши активы?! – Давиденко уже не сдерживал себя, он кипел от возмущения. – Он будет совать свой нос везде, всё вынюхивать, а потом шантажировать тебя!

– Согласен! Но ты же тоже понимаешь, что мой отказ означает объявление войны?! – мы оба помолчали, обдумывая ситуацию.

– Насколько это серьёзно? – его голос вывел меня из раздумий.

– Думаю, очень серьёзно, они уже разработали схему, она не самая изошрённая, но вполне рабочая, особенно если работать будут под прикрытием органов. У него уже есть фирмы, куда будут переводиться финансовые потоки, наверняка есть некоторые банки, но ему нужны очень надёжные игроки, такие, как мы, чтобы всё выглядело легально и респектабельно. Пока ему не хватает средств, но есть идеи, как восполнить этот пробел, в том числе и за наш счет, – я усмехнулся – и ещё он предлагает подобрать кого-нибудь человека из близкого моего окружения, из числа сотрудников банка, чтобы отвести от меня подозрение, так сказать, прикрыть, а в случае непредвиденных обстоятельств всё свалить на него и сделать его фигурантом уголовного дела.

– Ничего себе, клизма в ботах! Лихо закручено! – Давиденко почесал переносицу, что было признаком крайнего волнения.

– И ты поверил ему? Я думаю, главным фигурантом будешь ты, потому что это и есть самая мощная фигура во всей партии! То, что он хочет сделать, невозможно провернуть без твоего участия, все транзакции сосредоточатся в твоих руках, а это и есть главная опасность, поэтому свалить нужно будет Вас, Герман Алексеевич!

Хороший игрок Давиденко, всё просчитал правильно, хотя я и сам прекрасно понимал эти перспективы.

– Сергей Иванович, вчера мне пришлось охладить пыл и фантазии господина Зайченко, но, зная его характер, боюсь, он не остановится, его голыми руками не возьмёшь! Понимаешь, нам обязательно нужно противопоставить ему что-то серьёзное, найти что-то такое, что его может остановить!

– Вас понял, Герман Алексеевич, – расстроено сказал Давиденко, – постараемся найти!

На этом мы расстались. У меня было множество неотложных дел, и главное – нейтрализация шумихи в прессе.

На середину дня было назначено совещание с финансистами. Все понимали, что если сейчас средства массовой информации начнут гнать волну и муссировать слухи об отзыве лицензии, то мы, пожалуй, можем потерять корпорацию. Ни один банк в мире не выдержит, если все вкладчики захотят забрать деньги одновременно. Поэтому в первую очередь я сделал несколько очень важных звонков, договорился о сроках и попросил больше не давать прессе никакой отрицательной информации.

И всё-таки беспокойство не покидало меня, надо же, какой Лёнька провидец, а может, мой банк уже заказали? И всё напрасно? Эти, из «УГРЫ», сражались отчаянно, и даже арабских инвесторов нашли, и все равно ничего не вышло! Я уже довольно сильно заматерел и в случайности не верил. Всё это казалось дикой несправедливостью, предприятие, в которое вложено столько сил и средств, могут забрать у меня просто по щелчку пальцев. Поэтому запасной вариант готовить необходимо, он может пригодиться мне самому, всё может поменяться с точностью до наоборот и довольно быстро.

Мне уже давно хотелось подобрать себе доверенное лицо, специалиста, который будет подчиняться только мне и выполнять только мои поручения, и всё это должно быть тщательно

скрыто от посторонних глаз. Мне пришлось недавно просматривать резюме соискателей на вакантную должность у нас в банке, одно из них очень заинтересовало.

Я позвонил клерку и попросил принести документы, которые просматривал вчера. С фото на меня смотрела совсем ещё девочка, и всё, чего она достигла, никак не совпадало с внешним видом, я даже спросил в отделе кадров:

– Вы ничего не напутали? Это тот самый адресат? Если это так, то я хочу видеть Синеок Юлию Владимировну немедленно.

Через час начальник отдела кадров мне перезвонил и сказал, что это невозможно, так как Юлия Владимировна уже дала согласие на работу в другом учреждении. Я даже сам от себя не ожидал такой реакции! Раздражение переполняло меня – что сегодня за день! Всё против меня!

– Как это могло произойти? – я почти кричал на клерка-кадровика.

– Претенденты же рассылают свои резюме по всем банкам, видимо, кто-то отреагировал раньше нас.

Я больше ничего не хотел слушать, приказал узнать, какой ей дали оклад наши конкуренты, и привезти её немедленно сюда. Я был зол, но привык доводить всё до конца и не мог допустить, что завтра она выйдет на работу в другой банк. Даже если ничего не получится, потом можно будет всё переиграть, передвинуть. При этом интуитивно очень хорошо чувствовал, что не ошибаюсь. Ждать пришлось долго, часа три, всё равно был занят и домой не собирался.

Наконец доложили, что она пришла. В моём кабинете установлен монитор, на который выведены изображения с восьми ключевых точек здания. Бросив взгляд на экран, увидел, что по лестнице поднимается худенькая, совсем без косметики, высокая девочка.

«Слишком худая, – подумал я про себя, – а так ничего, черты лица правильные».

Стук в дверь. Я встал из-за стола, и она вошла.

Перед входом в офис президента банка охранник потребовал у Юлии сумочку и тщательно осмотрел её, затем очень настойчиво, даже не предполагая отказа, попросил девушку оставить её телефон у него на хранение до конца аудиенции. Сначала это раздражало, но потом Юлька поняла, что это действительно одна из не очень приятных, но необходимых мер безопасности.

Первое, что бросилось в глаза нашей соискательнице, когда она попала в кабинет, это огромное, хорошо обставленное помещение. Чувствовалось, что мебель и интерьер подбирался не абы как, а с помощью хороших дизайнеров. Всё было стильно, дорого и лаконично. Никаких излишеств, при этом простенькой обстановку не назовёшь.

Навстречу Юлии шёл очень красивый, холёный мужчина, и, глядя на него, она подумала, что он перепутал профессию – ему надо было стать киноактёром, а не президентом финансовой корпорации.

– С детства не люблю красивых мужчин – поморщилась Юлька, и тут же, пожалела, что приехала. Но Громов уже успел перехватить её взгляд, надеть на лицо доброжелательность и улыбку, и на самом доньшке Юлькиной души поселилась смутная, необъяснимая паника, нейронные связи пришли в действие, и она с ужасом поняла, что этот мужчина ей нравится.

Я подошел к ней, мы поздоровались, и Юля села в кресло, ничего не спрашивая, просто молча смотрела на меня в ожидании. Признаться, я был удивлён – предполагал, что она сейчас будет возмущаться, зачем её сюда притащили так поздно. Ни тени кокетства, я рассматривал её изо всех сил, не стесняясь, уже специально, но даже лёгкого неудовольствия не промелькнуло на её лице. Что ж ты за птица, Юля? Я вынужден был оценить её неженскую выдержку. В представленном резюме меня больше всего заинтересовала учёба в Лондоне – я знал, что для девочки из Ростова это практически недостижимо. Вот сейчас мы и проверим, как ты училась. Пауза затянулась, я понимал это, поэтому начал разговор на английском первым.

– Юлия Владимировна, позвольте принести Вам извинения за столь позднее время.

Она кивнула, но промолчала. Это было ещё более необычно – не женщина, а клад. И немая, и глухая, как в еврейском анекдоте: как тебе повезло, сколько достоинств у твоей жены.

– Вас это не удивляет? – я внимательно следил за выражением её лица.

– Раз Вы меня пригласили в это время, значит, на это есть очень веский резон. Если посчитаете нужным, Вы мне это расскажете.

Ответила она на хорошо отработанном английском, практически без славянского акцента, если не знать, что она русская, по произношению не догадаешься. Однако... Опять удивила. Голос у неё был низкий, и это мне больше всего понравилось, терпеть не могу писклявые голоса. Своим ответом она поставила меня в тупик.

«Что я ей расскажу? Что меня терзает странная, необъяснимая тревога, предчувствие страшных, неотвратимых событий? Что пьяный трёп Зайченко не выходит у меня из головы? И теперь необходимо принять некоторые контрмеры на случай непредвиденных обстоятельств?»

В это время Юлька рассматривала президента крупного банка и тоже не могла понять его действий. Она всё делала, как учили великие заокеанские гуру: была подчёркнуто дружелюбна, но не навязчива, старалась больше слушать и совсем мало говорить, а главное – уловить его, ключевое слово, чтобы понять, зачем она здесь. Но он его не произносил, пропустить она не могла, значит, либо он сам не знает, зачем она здесь, либо что-то скрывает. Маленькая Юлька даже не подозревала, как она близка к истине. Ей даже захотелось встать, извиниться и уйти, но Герман очень остро почувствовал её настроение и перехватил инициативу.

– Видите ли, Юля, наш банк попал в кризисную ситуацию, и сейчас не самые лучшие времена и условия для соискателей.

– Я знаю, сегодня утром просмотрела все биржевые сводки и видела заявление ЦБ. – Заметив заинтересованный взгляд Громова, добавила: – Необходимо владеть информацией, в наше время она превращается в оружие.

– Тогда, может, Вы подметили что-то интересное своим свежим глазом? – спросил Герман.

– Вы очень проницательны, – Юля улыбнулась, – признаться, меня насторожила одна очень неприятная вещь: падение акций вашего банка очень глубоко, без фундаментальных причин для этого, вы смотрите хуже других, – она была очень спокойна и уверена в себе, когда произносила это.

Теперь я слушал её, можно сказать, с лёгкой настороженностью.

«Однако какие интересные вещи говорит эта девочка, которая ещё даже не работает у нас».

– И причина? Чем это можно объяснить? – спросил я.

– Скорее всего, вброс инсайда, ваши конкуренты топят вас.

– Вы уверены? – мне казалось, что это невозможно, что наша служба безопасности должна бы всё это предусмотреть и их обезвредить.

– Чтобы быть уверенной до конца, мне необходимо просмотреть некоторые документы, желательно с момента падения акций, – говорила она очень спокойно, и чувствовалось, что она хорошо в этом разбирается.

– Тогда с этой секунды Вы наш сотрудник. – Я уже не сомневался, что эта милая девушка очень нам нужна.

– Но я не готова, я уже дала согласие в другом месте.

– Сколько Вам будут платить? – спросил Герман.

Я назвала, он предложил мне заработную плату в два раза больше! Мне пришлось согласиться.

– У нас очень мало времени, завтра нам надо все соображения представить регулятору, поэтому приступить Вам надо прямо сейчас, – сказал мой новый директор.

Я была ошарашена – время было позднее, где-то за полночь! Но банк не спал, сотрудники готовились к его спасению. Меня познакомили с финансовым директором и пригласили в отдел, где мне была оказана всяческая помощь. Так я стала сотрудником «Интерфинанса».

* * *

По возвращении из Лондона я поселилась у Инессы. Мне нужно было время, чтобы определиться с жильём и работой. У меня состоялся серьёзный разговор со Славиком, он сказал, что маме всё хуже. Это была самая страшная новость. Срочно нужны были деньги на лечение, и мне пришлось взять кредит. Потом я подготовила резюме, разослала по нескольким финансовым организациям и стала ждать ответа. Дальше вы уже всё знаете. Мне предложили, да нет, это не то слово – мне просто приказали срочно включиться в работу. Из моих мыслей меня вывел телефонный звонок, звонила Инна:

– Юю-ль, что происходит? – начала она. – Твоя улыбка так прекрасна, что и солнца не надо? Ну что, потрёмся носами?

Я действительно была вынуждена улыбнуться, Инна очень любила всякие забавные выкрутасы и таким образом говорила мне:

– Здравствуй! У некоторых народов Новой Зеландии существует обычай тереться носами при встрече в знак приветствия. В школе мы долго прикалывались над этим, нам казалось это смешным, но на самом деле удивительный обычай.

Я представила себе, как подхожу к Герману Алексеевичу и говорю:

– Потрёмся носами?

Вот интересно, меня сразу заберут к психиатру? Инна вообще очень любила всякие необычные истории или малоизвестные факты. Однажды она была под впечатлением от прочитанной книги об открытии Австралии.

– Представляете, – рассказывала она нам с Милой, – трёхмачтовый парусник «Эндевер» болтался по океану с остатками воды и продовольствия почти три года! Команда уже теряла терпение, и только капитан судна, Джеймс Кук, верил в удачу – в существование этого таинственного Южного материка. Ведь всё происходило более двухсот лет назад, поэтому никаких карт или хотя бы устных описаний маршрута не было, были только многочисленные свидетельства голландских и португальских моряков о том, что такая земля существует. – Инна посмотрела на меня своими неземными глазами, и мне показалось, что в них отражается океан. – Были даже счастливицы, которым удалось побывать там, и восторгам их не было предела: они смело утверждали, что это и есть Рай на Земле, хотя иногда казалось, что это просто байки подвыпивших искателей приключений. Но у Джеймса был поистине железный характер, да и как по-другому, ведь это был пассионарий! На шхуне все его боялись, хотя и уважали, а главное – верили, что их капитан обладает необыкновенными способностями привлекать к себе землю, чувствовать её на расстоянии и притягивать к себе за сотни миль. – У Инны хорошо получалось, нам было интересно, Мила даже перестала жевать.

– И вот когда все уже отчаялись и надежда почти покинула морских скитальцев, с верхней мачты раздался крик:

– Вижу землю! Господи, слава тебе, я вижу землю! – кричал вахтенный матрос.

Весь экипаж высыпал на палубу и с замиранием сердца вглядывался в приближающийся к ним кусочек суши. Это и был восточной берег Австралии. Все смеялись, обнимались и ликовали.

Капитан британских ВМС Джеймс Кук стоял на палубе и пытался скрыть свой восторг: негоже офицеру скакать, как мальчишке. Берег приближался, уже можно было разглядеть вечнозелёные деревья.

Огромные, очень высокие пальмы росли вдоль кромки острова, некоторые устремлялись ввысь, а некоторые, с подмытыми корнями, опускались близко к лазурной воде, отражаясь в ней и создавая пейзаж непревзойдённой красоты. До моряков доносились пряные запахи цветущих растений и крики незнакомых птиц. На берегу толпились темнокожие люди, практически без одежды, они показывали пальцами на парусник и что-то кричали.

Аборигенов можно было понять, ведь они никогда раньше не видели людей с такими светлыми лицами. И только один человек, с перьями на голове, сидел в сторонке и не выражал никаких эмоций. Это был вождь племени, он не хотел терять лицо, хотя и был немного испуган, увидев огромный корабль с парусами и белокожих людей, по его мнению, сошедших с неба.

“Индевор” бросил якорь, шлюпки были спущены на воду, и экипаж направился к берегу. Джеймс Кук, облачённый в полный парадный мундир, скрывая волнение, первым ступил на неизвестную землю. Хотя капитан был крайне суров и жизнь его не баловала, он не мог не оценить необыкновенную красоту природы, девственный белый песок, густые джунгли, яркие заморские цветы и крики больших птиц с цветным оперением. Всё это сбивало с толку и немного размягчало душу и разум.

На берегу было много диких животных, никогда не виданных ранее. Странные крупные звери с длинными ногами и сильным хвостом передвигались по песку прыжками, на животах у них был карман, и оттуда выглядывали маленькие головки их детёнышей. Всё это было поразительно и вызвало неопишуемый восторг у биологов. Капитан Кук, неукоснительно помня о строжайшем указе не ссориться с местным населением, изобразил подобие улыбки на загрубевшем от солёных ветров лице и шагнул в сторону вождя племени.

– Как называются эти животные? – спросил белокожий морской офицер, почти бог, у предводителя темнокожих аборигенов.

Курчавый человек с очень смуглым, коричневым телом с недоумением посмотрел на него, в его тёмных глазах мелькнул страх перемен, но рядом толпились его соплеменники и ожидали от него действий, поэтому он не мог проявить слабость.

– Кенгуру! – буркнул он, что на языке аборигенов означало: “Я тебя не понимаю”.

Представляете, совершить кругосветное путешествие, чтобы на краю Земли услышать: я тебя не понимаю! Но это были люди разных рас, образования и менталитета, а почему мы перестали понимать друг друга? Прямо настоящее кенгуру!

Так с лёгкой руки Инессы, в наш обиход вошло это слово.

– Это же кенгуру! Я что-то не пойму, – продолжала моя подруга, – кто из нас получил вывих мозга: я или ты? Что у вас, таки всё так далеко зашло с первого взгляда, что вам потребовалась вся ночь?

– Инна, я действительно была очень занята!

– И ты думаешь, я тебе поверю? Правду говорила моя тётя Элла: от Громова ещё никто не уходил.

Надо сказать, что дальние родственники Инессы были в хороших дружественно-родственных отношениях с семьёй Громова, и я была наслышана о его похождениях.

– Инусь, не злись, я скоро приеду и всё расскажу, просто нужно срочно подготовить документы.

– Так ты что, всю ночь занималась отчётами?! – удивилась Инна. – Только не говори, что ты беременна! – не забыла она свою любимую присказку.

Я улыбнулась:

– Солнышко, от взглядов, даже очень пристальных, не беременеют, – ответила я и отключилась.

Несмотря на некую нервозность, царившую в организации, сотрудники работали слаженно, и доступ ко всем необходимым документам я получила. К полудню мне было понятно, в чём проблема.

Я подошла к зеркалу – с детства люблю зеркала и люблю смотреться в них. Выгляжу так себе, надо хотя бы какое-то время на то, чтобы привести себя в порядок.

Секретарь сказала, что совещание назначено на три часа. Значит, часа два у меня есть. Вчера я сначала не поняла, зачем ему понадобилась, пока главное, с заработной платой меня не обидели. Но отчётливо уловила, что внешность моя не произвела на господина президента особого впечатления.

Сегодня надо исправить эту досадную ошибку. В жизни мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что внешний вид у людей очень сильно меняется после грамотного макияжа. Здесь недалеко есть фирма, в которой я раньше работала, и девчонки по старой дружбе обещали быстренько меня подкрасить и причесать. И одежду у них подберу, не ехать же через весь город к Инессе.

Через полтора часа половина встреченных мужчин сворачивала голову мне вслед, охранник банка кинулся открывать двери, а толпа возле лифта молча расступилась. Боже, как же все падки до внешнего антуража! Это меня очень злило, а вот Мелани использовала это оружие ежедневно!

Теперь вспомни все, чему тебя учили. Правило первое: убери эмоции, они мешают точно оценивать обстановку; правило второе: сосредоточься на главном; третье: надень улыбку, весь твой вид должен излучать флюиды добра и счастья! Всё, можно идти, время.

На совещании присутствовали: президент «Интерфинанса», его первые заместители, руководители служб и отделов.

Честно сказать, я хотела произвести впечатление, но не настолько, потому что при моём появлении Громов даже привстал, и вид у него был, как у человека, который хочет что-то вспомнить, но не может! Я уверена, что он просто не узнал меня, уж слишком изменился мой «лук» по сравнению со вчерашним днём, вернее, ночью.

Правда, он быстро собрался и представил меня сотрудникам, сказав, что я его новый финансовый советник. Представляю, как были изумлены присутствующие моим воцарением, точнее, «материализацией из тьмы», как съязвила Инна, но надо отдать им должное, на их лицах это никак не отразилось.

Первым докладывал начальник информационного отдела. Ничего нового он не сказал, перечислил всё то, что мы уже знали, но обратил внимание, что сегодня истерические вопли о кончине нашего банка стихли.

Он говорил, а я по лицам окружающих пыталась понять, как отнеслись к возникновению нового сотрудника досточтимые специалисты банка. Мне это было необходимо, чтобы выработать линию поведения. Эйфории они явно не испытывают, хотя это понятно, как чёрт из табакерки выскочил неопознанный игрок, а здесь и без меня идёт острая борьба за влияние на президента.

Это было видно по тому, с какой подобострастной готовностью они пытались подыграть Герману и уловить мельчайший нюанс его настроения.

– Да Вы диктатор, господин председатель Правления! Ничего себе, либерально-демократические взгляды, ничего себе, стажировка в Беркли и шлейф прогрессивного руководителя! – отметила я.

Затем выступала служба безопасности, которая пыталась нейтрализовать всевозможные провокации, а они легко могли возникнуть. В первую очередь это был их прокол, поэтому Сергей Иванович старался подбирать выражения с осторожностью, чтобы не спровоцировать скандал.

В течение всего совещания Герман был не в духе, очень раздраженный и злой. Говорил отрывисто, резко, короткими репликами. Да и чему тут радоваться?

Финансисты, в свою очередь, доложили последние сводки с биржи, которые мы и так все знали.

– Юлия Владимировна, – обратился ко мне руководитель банка, – мы Вас слушаем.

К этому моменту впечатление у меня сложилось: не могу сказать, что священный ареопаг в восторге от моего назначения.

– Я проанализировала поведение рынка и движение на нём наших активов. Так вот, основной всплеск снижения произошёл пять дней назад, обвал сразу на семь пунктов. Главный вопрос: чем он вызван? Только ли общей ситуацией на бирже? Скорее, нет, рынок уже начал разворачиваться вверх.

Начальник службы безопасности слушал меня с большим усердием и что-то мысленно прикидывал. Мне он сразу не понравился: сухошавый, остролицый, так и создавалось впечатление, что он что-то вынюхивает, точно хитрый лис.

– Надо быть с ним поосторожней и поменьше болтать, – пронеслось в голове. Чем дальше я продвигалась в своей речи, тем мрачнее он становился.

– А вот список держателей акций, здесь фамилии конкретных людей, которые поспешили избавиться от наших бумаг, причём в один день. Что заставило их сделать это одновременно? Нужно обязательно встретиться с этими людьми и спросить, почему они отказались от наших активов? Наверняка есть причина, – я замолчала и посмотрела на Громова.

– Продолжайте, никого не бойтесь, очень занимательно, – крайне заинтересовано предложил мне Герман Алексеевич, потом резко спросил: – Вывод! – но он уже и сам все понял.

«Молодец, – дала я мысленно оценку президенту банка, – моментально схватывает!»

– Против нас работают конкуренты, очевидно, на рынок запущена инсайдерская информация, о которой мы не знаем.

Хитрый лис, мужчина с седым «ежиком» и суровым лицом, Сергей Иванович Давиденко просверлил меня взглядом и произнёс:

– Вы отвечаете за свои слова?

Взгляд у него был очень неприятный. Я понимала, что он уже тихо меня ненавидит, потому что, иными словами, только что при всех я обвинила его службу в провале. А если этого не сделать и не найти инсайд, мы потеряем банк! Я была уверена в этом на 99 %, слишком хорошо отработанная схема, только 1 % оставался на чудо.

– Вы уверены, что не ошибаетесь? – это уже спросил начальник отдела информации.

– Извините, не запомнил Ваше имя, Вы думаете, что они Вам так всё и расскажут? – накинулись на меня сразу два начальника служб.

Но, видимо, Герман Алексеевич уже принял решение или ему просто надоело это тупое бодание телёнка с дубом, поэтому он резко стал отдавать команды:

– Юлия Владимировна права, мы не исправим ситуацию, пока не узнаем причины. Обязательно нужно найти источник дезинформации. Здесь действительно есть чем заняться службе информации и служб безопасности. – Сергей Иванович, – обратился он к начальнику службы безопасности, – Вы немедленно займитесь разработкой фигурантов этого списка, я крайне удивлён, как там у классика: «Ба! Знакомые все лица!» – протянул он, увидев фамилии бывших акционеров. – Переговорите, может, не напрямую, кто-то же у них там рулит? И это надо было сделать вчера. Вчера! – он явно очень злился. – Мы потеряли много времени! А пресс-служба завтра утром положит мне на стол пресс-релиз, из которого будет яснее ясного понятно, что у банка всё хорошо, что он не поддаётся на происки конкурентов и предлагает своим клиентам новые продукты. Какие именно, обсудите с финансистами. Времени у нас нет, всё это надо было сделать вчера, поэтому сегодня будем работать ночью. Если вопросов нет, все свободны. Да, наверное, не будет лишним напомнить, что все присутствующие находятся на круглосуточной связи.

Вопросов не было, спорить с президентом никому не хотелось, в такой ситуации все быстро поумнели. Вот и славненько.

* * *

Вечером, когда я наконец-то добралась до дома, больше всего мне хотелось просто лечь и спать, но меня ждали трое: Мелани, Инна и их Любопытство! Сопротивляться было бесполезно, поэтому я сдалась без боя.

– Привет, – пропела Мелани, – поздравляю тебя с первым днём работы на новом месте!

Выглядела она, как всегда, «отпадно» и очень сексуально, я даже подумала, что она более во вкусе Германа, чем я. Было в ней что-то от Мерлин Монро.

– И с первой ночью, – не удержалась Инна.

– Да уж! Далась ей таки эта ночь, – подумала я.

– И, вообще, для сотрудника, который работает круглосуточно, ты выглядишь очень хорошо, по тебе не скажешь, – добавила она.

Вообще-то я раньше и сама замечала, что при большой перегрузке и малом количестве сна черты лица приобретают какое-то очень чёткое, законченное выражение. Мельком взглянула на себя в зеркало:

– Хороша! Всё очень тонко и лаконично, просто эталон элегантности. Только спать очень хочется.

– Не хочу вас расстраивать, но у меня таки всё хорошо, – подхватила я Инкин стиль. Инна уже была в домашней одежде, что придавало ей некоторую мягкость, этакий подзабытый семейный уют.

– Так, что хорошо? Сколько тебе будут платить? – понеслась сразу к цели Мел.

– Я, конечно, могу сказать, но боюсь, что ваши уши отвалятся, а мозги заискрят от короткого замыкания, и вообще, что за меркантильность? – я сделал удивлённые глаза, решив немного подразнить подруг.

– Тогда и я имею задать Вам парочку вопросов, – присоединилась Инна. Мы все трое переместились на диван, очень мягкий, с кучей подушек и подушечек – всё-таки как классенько у Инки.

– Ну-у-у, тогда, таки да! – согласилась я.

– Я Вас умоляю, таки да? – удивилась Инна, картинно округлив глаза, большие и тёмные, как спелые вишни.

– Таки, да? – мелодично повторила Мел, полностью скопировав Инессу. В такие минуты я всегда жалею, что нас не видит великий Феллини, успех гарантирован.

Чтобы усилить интригу, я взяла лист бумаги и медленно на нём написала свою заработную плату.

– Таки, да?! – выдохнула с ужасом и восторгом Мел.

– Таки, да?! – повторила Инна. – Это не розыгрыш? – и пытливно посмотрела на меня. – Надеюсь, ты не шутишь?

– Нет, я не шучу, – я была сама серьёзность.

– В таком случае, ты понимаешь, что это просто неприлично приличные деньги? – вся ироничность вмиг слетела с Инки, лицо её приобрело очень серьёзное выражение.

Вот тебе и мягкая девочка, я знала, что в трудные моменты жизни Инна могла занять и выдержать любую жёсткую позицию.

– Ты не понимаешь, что такие деньги просто так не платят, что это какая-то ловушка, мне совершенно это не нравится, – уже просто злилась моя самая преданная соратница.

– Мне тоже, а что делать?

– Как что? Откажись, тебя же брали в Виладж Бэнк! Сделай это, пока не поздно, – пыталась она остановить меня.

– Поздно, Инна, поздно! – призналась я.

– Да? Что ты натворила? – закричала Мелани, её хорошенькое личико выражало крайнюю степень любопытства.

– Только не говори, что ты беременна! – с каким-то отчаяньем предположила Инесса.

Не одно, не другое и не третье, просто я сегодня подписала контракт с банком, по которому я должна отработать не менее трёх лет, а если я по собственной воле уйду раньше, то мне придётся выплатить большую неустойку.

– Западня! Я так и знала! – вздохнула Инна.

– Да, но это с одной стороны. А с другой, все мои финансовые и бытовые проблемы банк берёт на себя: он оплачивает мне жильё, медицинскую страховку, любое лечение в стране и за рубежом, если оно потребуется, оплачивает отдых в период отпуска, предоставляет машину, ещё куча всяких мелочей, вплоть до ежедневного питания. Я могу выбрать любой ресторан или фирму, и мне будут привозить обед прямо в офис в указанные часы. Ничто не должно отвлекать особо важного сотрудника от работы.

У Мелани глаза полезли на лоб:

– Ничегошеньки, прямо как при коммунизме!

– И что, такое бывает? – удивилась она.

– Бывает, но не для всех, – отрезала наша продвинутая красота Инна, испепеляя меня взглядом, – тем более, что в банке Громова всех бесплатно кормят в обед, он очень прогрессивный руководитель и копирует западный образ ведения дел. Он считает, что перерыв нужен людям для отдыха, а не для беготни по непонятным заведениям, особенно в гололёд и слякоть.

– Боже, какой мужчина! Как я мечтала о таком! Я хочу к Громову, – заныла Мелани, – Юлька, сделай что-нибудь, чтоб меня тоже взяли!

– Одну уже взяли, с потрохами, – съязвила Инесса, глядя на меня в упор.

– Инна, что ты к ней пристала! Человеку повезло, а ты завидуешь, – возмутилась наша Милочка, изображая на лице высшую степень восторга в мой адрес и укора в Инкин, никогда не понимала, как ей удавалось делать это одновременно.

Я усмехнулась:

– Подожди, Милочка, ты ещё не всё знаешь! – мне пришлось немного снизить градус страстей. – Но взамен я должна двадцать четыре часа в сутки принадлежать банку, обязательно сообщать, где я нахожусь в выходные дни, поддерживать контакты со всеми нашими партнёрами, в том числе зарубежными, руководить и проводить все аналитические исследования, при этом я несу ответственность за изменение показателей в худшую сторону.

– И как это? – не выдержала Инна. – Что ты сможешь сделать, если рынок обвалится?

– Да, ничего! Ежу понятно, что ничего, но я как бы должна это предвидеть, чтобы мы заранее переложили активы или вывели их из-под удара.

– То есть ты хочешь сказать, что будешь работать ясновидцем? Но это же всё равно, что потребовать от тебя, чтобы ты отвечала за то, чтобы в июне пошёл снег, а в январе зацвели сады? – закатила глаза к небу наша проницательность.

Теперь уже Мелани сидела с обескураженным выражением:

– Пожалуй, я погорячилась, я бы таки не согласилась, – немного подумав, выдала она.

Я понимала всю абсурдность ситуации, но значит, кому-то нужно было, чтобы я подписала именно такой контракт! Считать этих людей глупее себя по меньшей мере было бы ошибкой. Просто при малейшей неудаче всё свалит на меня, вот это я прекрасно знала тоже.

Выхода у меня не было, маме было уже очень плохо, Славик больше не справлялся своими силами, ей нужна была круглосуточная сиделка, стоило это дорого, а также нужны были какие-то невероятно дорогие лекарства, цена которых была больше, чем триста тысяч рублей за одну инъекцию. Вячеслав Вольдемарович позвонил и спросил, что мы будем делать. И я поняла, что всё, детство кончилось, что решение, сколько ещё проживёт моя мама, должна

принять я. Славик честно сказал, что врачи не настаивают, потому что вылечить нельзя. Ну как-то облегчить, как-то продлить...

В тот же день я взяла кредит и отправила деньги Славику. Он перезвонил через три дня и сказал, что первую инъекцию сделали и ей лучше, хотя бы не так мучается. Инна знала, что маме плохо, но не знала, насколько, а я не могла говорить на эту тему даже с ней.

Понятно, что затевается какая-то игра, но я не боялась. Я была уверена, что смогу справиться с любой ситуацией, а от работы я не бегала. Мне казалось, что все самое страшное уже позади.

* * *

Все вышли, совещание закончилось, но я был крайне раздражён, недоволен собой и своими подчинёнными. И проблема не в том, что они плохие или нерадивые, как раз нет, я таких не держу! Просто за долгие годы благополучной работы банка растеряли задор, инициативу, кураж. Затянуло коллег тиной благополучия, и всё, уже и шевелиться лень. И ведь правильные вещи им говорят, и они сами понимают, что разумные, а признать свои ошибки никто не спешит. Необходимо возобновлять коллективные тренинги для всех сотрудников, иначе притупляется способность быстро мыслить.

А Юлия Владимировна какова! Надо сказать, что сегодня она меня поразила больше, чем вчера. Во-первых, она действительно очень быстро и очень по-деловому оценила обстановку, и вроде всё просто, на поверхности, но мы, убаюканные, что всё под контролем службы безопасности, не задавали себе таких вопросов.

Я был недоволен собой: так и весь банк раскачать и утопить могут. А акционеры каковы? Надо же, каждую неделю встречаемся и сидим за одним столом, и дети дружат, а всё равно побежали и нас слили.

Да, Герман Алексеевич, что-то вы пропустили, проспали! Древние говорили: «Если не можешь избежать потерь, не теряя опыт!» Мудро, конечно, хотя ещё чуть-чуть, и я бы остался наедине со своим опытом. Вот так и рушатся империи!

Удивительно, но Юлия Владимировна очень быстро вписалась в коллектив, не сказав ни одного резкого слова, мастерски всех расставила по местам. Я с огромным удовольствием наблюдал, как мои бойцы пытались её остановить, но у них не получилось. Я долго терпел и ждал, когда они поймут это, но прямо какое-то сверх тупое упрямство вселилось в них.

Я усмехнулся. Завтра же всех надо предупредить, что вражду в банке не потерплю, пусть каждый честно выполняет свои обязанности, а если вы, господа, безнадежно утратили форму, драйв, деловое чутье и способность улавливать происки конкурентов, то необходимо иметь смелость и теперь в этом сознаться.

Но Юлия какова, как умеет себя подать! Она вошла в кабинет, и я на минуту замер, я её даже не узнал, просто обожгла красотой! Что-то во мне всколыхнулось, вспыхнуло, затрепетало и, отдавая болезненным эхом, свернулось калачиком в самой глубине. И причёску сделала выигрышную, лицо и шею открыла, а волосы так переплела, что глаз не оторвёшь. Я засмотрелся на неё, она это заметила и тут же повернула головку в профиль – удивительно, но и это было красиво. И так ракурс правильно выбирает, в полуоборот выставляет, знает, что ей идёт. При этом костюмчик – верх целомудрия. Даже не знаю, где таких делают. В личном деле написано: не замужем, и это было важно, но неужели у неё никого нет? У такой красавицы?

Теперь я начинаю на себя злиться, что слишком много про неё думаю. Жизнь моя так сложилась, что с детства я нравился девочкам, потом женщинам и всегда с ними легко сходился и расставался. Отношения полов усвоил с детства, когда подростком уезжал на лето в деревню к деду.

В сенокос, когда все собирались в поле, а вечерами жгли костры и пекли картошку, деревенские девчонки и мальчишки обнимались за стогами сена, было сладко и стыдно подсматривать за ними. Однажды я зашел в сараюшку, куда складывали траву для просушки и мешки с картошкой, там был мой двоюродный брат, крепкий пацан шестнадцати лет, он давно хвастал, что за это лето уже попробовал трёх девчонок, но Танька нравится ему больше всех. Я не знал, что мне делать, верить ему или нет? Мы даже поспорили и подрались.

Сейчас понимаю, что Танька нравилась и мне. Я тогда неуклюже за ней ухаживал: то деревенскую работу помогал ей делать, то яблоки рвал и дарил девочке, хотя чего их дарить, яблок в селе и так, как грязи. Смешно и наивно, но всё равно трогательно. Она мне мило улыбалась, но ничего не говорила и не обещала.

Серёга, так звали моего брата, сказал мне, что позвал Татьяну в сарайку, и если я не верю, могу убедиться лично. Я и сам не знал, хочу видеть ЭТО, или не хочу, но любопытство оказалось сильнее, и когда они зашли туда, юркнул за ними. В сарайке была полутьма, но я хорошо разглядел, как брат подошёл к девочке, обнял её, притянул к себе и начал снимать с неё платье, потом она расстелила его на сухой траве, быстро сняла трусики и легла на спину, согнув худенькие ножки в коленях. Лица её не было видно, но тело и тоненькие, как спички, ножки белели в темноте. От этих неожиданных для меня действий я оцепенел.

– Так вот как это происходит! – наивно стучало в голове. Больше всего поразили откровенность происходящего и неприкрытая нагота девочки, но именно эта беззащитность вызвала прилив чувств и острое желание. Потом Серёга снял трусы, взял в руки свой набухший член и стал быстро двигать руками. Смотреть на это было стыдно и нестерпимо. Всё происходящее было не изведано и запретно, поэтому желание всё усиливалось и просто распирало меня настолько, что на мгновение я отключился, а когда очнулся, брат стоял на коленях над девочкой, продолжая энергичные движения пальцами. Потом Серёга прошептал хриплым голосом:

– Таня, Таня, покажи!

Девочка бесстыдно раздвинула ножки, а руки брата заработали быстрее, затем он влез на неё и задёргался, я не смог пережить этот недетский показ и завершил вместе с ним. Видимо, я издал стон, брат обернулся и сказал:

– Вот, а ты не верил!

Он был так доволен собой, что предложил мне:

– А, хочешь, давай ты?

Но я не хотел. Больше я в деревню не ездил. Какой-то непонятный стыд за эту девочку преследовал меня, я как бы чувствовал себя виноватым.

С тех пор у меня особое отношение к женщинам: есть жена, а есть прочие бабы. Других было много, и я с ними особо не церемонился. Я знаю, что хорош собой, и когда включаю обаяние, практически уверен в победе. Да, я женился по любви, но даже огромную любовь семейная жизнь превращает в рутину. Секс после пяти лет совместной жизни превращается в нудную обязанность, всё знаешь, что будет на первой минуте, на второй, на третьей, на седьмой можно спать. Я честно пытался растормошить свою жену, предлагал ей всевозможные варианты, уговаривал хоть раз изменить позу, кроме той, единственной, в которую она вцепилась, но слышал каждый раз:

– Где ты этого набрался?

Видеть гримасу отвращения на её лице становилось просто невыносимо. Я нашёл другой выход, тем более темпераментом меня бог не обидел, а секс и женщин очень любил.

Но то, что произошло сегодня, просто испугало меня самого, я смотрел на Юлию Владимировну и испытывал сильное влечение, как в детстве. Это было странно, я давно забыл тот сельский опыт, а жизнь оказалась гораздо интересней и увлекательней, но вот влечение к ней было необъяснимо, как будто опять объединились неизведанность, недоступность и острое

желание. Мне стало понятно, что эта женщина была бы моей, независимо ни от чего, что она очень мне нравится.

Я опять разозлился на себя: размечтался как пацан, как будто нет других, более важных дел. В списке наших бывших акционеров я увидел фамилию одного моего старинного приятеля, и не просто приятеля, а человека, которого однажды выручил в очень тяжёлую для него минуту. Вообще-то не люблю что-то напоминать, получилось помочь – и слава богу, но сегодня не тот случай, чтобы бравировать принципами. Я позвонил ему, и он согласился встретиться завтра вечером. Отлично! Вот и поговорим! Я очень надеялся на эту встречу, был уверен, что смогу докопаться до истины, как уже говорил, в совпадения я не верил. А Юлия Владимировна поедет с нами, как эксперт.

* * *

Всегда удивляюсь, как быстро пролетает ночь – не успеешь уснуть, и уже утро торопит, бьёт по глазам лучиком света, щекочет ноздри запахом кофе, волнуется и тормозит тебя.

– Вставай, лежебока, проспичь всё на свете! – Инка трясла меня, уговаривая открыть глаза.

Я печально вздохнула и подчинилась. Мы с девчонками очень быстро собрались и поехали в свои офисы.

Работы было много. Я так увлеклась, что не заметила, как меня посетил Герман Алексеевич. Он внезапно вошёл в мой кабинет. Вообще эта была его манера: он очень любил входить внезапно, как будто пытался застать у меня кого-то. Сколько вокруг наткано видеокамер! Смешно...

– Да Вы ревнивец, господин президент! – невольно подумалось мне, и я опять поразила его выбору профессии – уж больно он смахивал на голливудских звёзд, и стиль в одежде подбирал похожий. Он был очень стройным, и ему шли костюмы от кутюр со слегка приталенным силуэтом. Герман это знал и немного бравировал своим умением носить дорогую одежду. Модная стрижка и густые тёмные волосы делали его моложе, но глаза всё-таки не могли скрыть приобретённый жизненный опыт и пережитые неудачи.

– Очень элегантен, – оценила я, – но возраст не скроешь, его выдают Ваши глаза, господин президент.

– Юлия Владимировна, – начал он, глядя на меня в упор, совершенно не стесняясь, а вот я смущалась, мне было не по себе от этого очень откровенного взгляда, – сегодня у нас будет увлекательнейший вечер, я познакомлю Вас с очень интересным человеком, и, надеюсь, мы узнаем много нового.

Разговаривал он совсем другим голосом, чем на совещании, какими-то бархатистыми полутонами, и этот тембр приводил меня в оцепенение, а по коже поползли мурашки. Я чувствовала, что теряю над собой контроль.

– Стоп, – сказала я себе, – ты ведешь себя хуже Мелани. Знакома с женатым мужчиной всего несколько дней, а уже думаешь о нём, как о сексуальном партнёре. Бред какой-то, просто Мелани № 2.

Это меня очень раздосадовало, и я спросила, дерзко глядя ему в глаза:

– Обязательно ли моё присутствие?

У меня были другие планы на этот вечер. Ему хватило такта разговаривать со мной спокойно и настоять на моём участии. Возразить мне было нечего, я же принадлежу банку двадцать четыре часа в сутки. Я только сухо спросила:

– Какой дресскод?

– Вы и так восхитительны, – ответил Герман – и потом, это будет деловой ужин.

Всё-таки мне пришлось немного привести себя в порядок, поправить макияж, причёску и надеть очень красивые туфли – я принесла их на работу, как запасные.

В 19–00 я спустилась вниз, водитель Громова очень вежливо проводил меня до машины, открыл дверцу, я разместилась на сидении сзади. Мой президент ехал впереди, все молчали. Продвигаться, а иного слова я не подберу, с учётом вечерней загруженности улиц пришлось долго. Огни, пробки, суета. Мне уже давно хотелось спать, и, честно сказать, не сильно нравилась перспектива кого-то развлекать. Это не моя работа вообще-то, мы так не договаривались. Я раздражалась всё больше и больше. А вот это уже ни к чему. Попытайся посмотреть на себя со стороны: притащить на дружеский ужин раздражённую, взвинченную бабу – вовсе не самая лучшая идея.

– Подожди, – сказала я, сама себе, – что тебя нервирует?

Но даже себе я не могла признаться, что он мне нравится. Это было как-то слишком быстро. Хотя где-то читала, что для того, чтобы влюбиться с первого взгляда, нужно всего лишь пять секунд, и каким-то непостижимым образом активизируются сразу двенадцать участков головного мозга, и всё, в работу вступают нейронные связи! В итоге человек влюблён!

– Вот видишь, всего пять секунд, а ты пялишься на него уже три дня!». Оказывается, времени было предостаточно.

– Июль, вот ты какая-то странная, – продолжила я невидимый монолог, – ты на полном серьёзе хочешь убедить себя, что виноваты нейроны? Инессе будет очень весело быстренько, по теории вероятности, просчитать твою адекватность.

Что-то ещё мелькнуло в моей голове, но машина остановилась.

Это был отель, статусный и дорогой. Прежде, чем выйти, Герман Алексеевич потребовал у меня мой телефон, приказал отключить его и оставить водителю. Позже глава нашей службы безопасности объяснил мне, что при наличии определённых технических средств даже выключенный телефон работает как передатчик, он позволяет прослушивать всё, что происходит рядом в комнате, в том числе и разговоры.

В ресторане нас ждал не очень молодой и не сказать, чтобы интересный, мужчина. Маленький, лысоватенький и какой-то немного примятый. При первом приближении он напоминал «колобка», да-да, того самого, из бабушкиной сказки. Маленький, кругленький, с мелкими чертами лица, немного суетливый, и когда он шёл, быстро-быстро передвигая коротенькими ножками, казалось, что он катится. Как ни странно, выяснилось, что он входит в топ ста самых богатых людей России. Никогда бы не подумала. Никаких дорогущих цацок, подчёркивающих его богатство, на нём не было. Да, костюм, в который он был одет, беззастенчиво выдавал известного дизайнера. Мастера очень старались, подгоняя его по фигуре, но даже опытный портной не смог исполнить тайное желание нашего героя: казаться более импозантным, настолько маленьким и круглым он был. Герман сделал шаг вперёд, протянул руку, глаза его наполнились теплом:

– Спасибо, что пришёл, Игорь, – сказал он.

Дударев улыбнулся в свою очередь, показав некрасивые мелкие зубы.

«Странно, – подумала я, – почему он к стоматологам не обратится?»

Потом перевёл взгляд на меня.

– Это тебе, спасибо, я же твой должник, – спокойно ответил он, разглядывая меня и улыбаясь, теперь уже мне, что не укрылось от Громова.

– Юлия Владимировна, мой главный советник, только из Лондона, дипломированный специалист, – представил меня Герман.

– Ты, как всегда, меня интригуешь, красивые у вас советники, ни за что бы не поверил! А я подумал, личный эскорт, – удивился он.

Ресторан, в который привёз меня Герман, был пафосным. Всё соответствовало лучшим мировым и европейским стандартам, приглушённый свет хрустальных люстр переливался в

гранях бокалов, скатерти слепили белизной, а официанты скользили, как тени. Я вообще определяю уровень заведения по официантам, в хороших местах их не нужно искать или звать, они незаметно следят за вами и угадывают ваши желания, тут же наливают вино или напитки, при этом почти не разговаривают и не докучают вам, только когда их о чём-либо спросят.

Пошли первые тосты, разговоры о том о сём, пили за красоту женщин. Я поняла, что очень понравилась Игорю, он слишком пристально меня разглядывал и слишком хотел произвести впечатление. Сыпал именами людей из правительства, хвастался, что очень близко знаком с ними. Срачивание власти и капитала очень точно описано ещё у Карла Маркса, а наша страна так вообще наглядное подтверждение теории: капитал, только у того и есть, кто во власти.

Зато Герман Алексеевич открылся с совершенно новой стороны, он был очень мягким, что настораживало, и как-то ненавязчиво и трогательно ухаживал. Герман тоже заметил симпатию Игоря ко мне, и это его раздражало.

«Да что ж такое, – думал он, – как только встречу интересную девушку, сразу все хотят её, просто какое-то бесконечное дежавю. А Игорь каков, сразу затанцевал, затанцевал».

И это начинало раздражать Германа всё больше и больше, что мешало переговорам, потому что его тон становился всё более резким, и ему приходилось себя контролировать.

Уже были испробованы лёгкие и не очень изумительные закуски, беззвучные официанты-тени сервировали стол под горячие блюда, как Герман решил, что пора переходить к делу.

– Игорёк, – обратился он к Дудареву, – а ты почему наши акции скинул? По прошлому году у нас не самые плохие дивиденды были. И по этому не хуже будут. (Здесь он отчаянно блефовал, но таковы правила игры, это как покер, ни в коем случае нельзя раскрывать карт.)

Я кивнула в знак согласия. Мне необходимо было очень пристально наблюдать за ними, чтобы вовремя включиться в партию, поэтому я заметила, как Игорь весь напрягся, и в глазах появилась сталь. Ощущение добренького толстячка вмиг рассеялось. Он заговорил, и сразу стал понятно, что перед нами опытный переговорщик.

– Знаешь ли, Герман, выгоднее всего продавать людям их мечты. А когда твоя мечта из хрустальной вдруг превращается в ледяную водичку и быстренько так тает, тут уж лохотрон не работает, вмиг поумнеешь, – начал заводиться наш визави и даже резким движением отодвинул от себя столовые приборы.

Вилка не выдержала такого обращения, упала и тоненько тренькнула. Но вышколенный мальёк из obsługi тут же поднял её и заменил на другую.

– Однако, – отметила я, – Дударев начинает нервничать.

– Какой лохотрон? У меня приличный банк, мы незаконными операциями не занимаемся, и вообще, если ты шёл по дороге и один раз споткнулся и упал, это не значит, что ты идёшь в неправильном направлении, – теперь уже начал заводиться Герман.

– Ну, вот, сам признаёшь! Всё-таки упал! – возразил Игорь.

Эта фраза сильно задела Громова. Ещё минута, и всё будет кончено не в нашу пользу.

– Господа... – голос мой звучал, как ручеёк, рука осторожно легла на руку моего спутника.

Мне нужно было любой ценой разрядить обстановку и остудить их пыл. Как там нас учили? Доктор Майрус, придите мне на помощь. Мозги работали молниеносно и быстро вытащили цитату из лекции специалиста, в очередь на обучение к которому выстроились почти все разведки мира. Великий гуру утверждает, что когда человек находится в состоянии стресса, уровень кортизола (гормона стресса) у него в крови повышается, человек становится агрессивным и склонным к импульсивным, необдуманным поступкам. И вот в этом случае давить на него нельзя, это вызовет обратную реакцию.

Для того, чтобы нейтрализовать его, надо очень внимательно прислушаться к нему, пытаться понять его и его позицию, и если он видит, что вы его слышите, кортизол начинает падать.

А уровень другого гормона, окситоцина, начинает повышаться. Окситоцин ещё называют гормоном доверия.

Изучая этот материал, я думала, что мне не придётся работать с такими клиентами, так далеко не зайдёт, но сейчас, на моих глазах, разыгралась сцена, классически описанная знаменитым нейрофизиологом. Возле меня сидели два разъярённых самца с запредельным уровнем кортизола, и ни один из них не слышал другого, что не могло вызвать ничего, кроме протеста.

– Герман Алексеевич, – я излучала само тепло, самую доброжелательность, – давайте спросим Игоря Владимировича, пусть он нам расскажет, у него, наверное, есть очень веские причины, раз он так поступил. Игорь, откройте нам страшную тайну, – я делаю круглые, испуганные глаза, – может, и нам надо избавиться от наших акций?

Герман смотрит на меня с удивлением и недоверием, но это не страшно, лишь бы не агрессия, иначе можно всё испортить. Игорь тоже как-то очень растерян, он явно не ожидал такого поворота. Но не выглядеть же придурком перед милой женщиной? Да, и с Германом их что-то связывает.

– Однако, ещё раз удивила, – подумал Герман, – и как это она так ловко всё перевернула, как будто с ног на голову? Но это не главное, важно другое – что она нравится мне всё больше и больше, и даже если б она была полной дурой, я бы не отпустил её ни за что!

– Я просто спасал свои деньги, потому что все знают, что вам скоро конец! – выдал Дударев.

– Боже, что он несёт, – простонала я про себя – глаза Германа опять заискрились злостью, и мне пришлось играть на опережение.

– Ну, не совсем так, – как можно мягче сказала я, – Вы не допускаете, что это ошибка? У Вас надёжные источники информации? Вы знаете, вот мне непонятно, почему Игорь Владимирович всем верит, а мне нет? А ведь я владею самыми точными данными.

Дударев уже немного начал втягиваться в игру, и ему понравилась моя позиция. С другой стороны, акции он уже сдал, и терять ему было нечего. А, хорошенькой женщине нужно доказать свою правоту и заодно утереть нос этому козлу Герману.

– Представьте, себе, из очень надёжных! Вот! – и он ловким движением руки, как фокусник из шляпы, вытащил из кармана то, что наша хваленая служба безопасности не может найти!

Дударев передал мне свёрнутый листок бумаги: информационное письмо за подписью вице-президента банка-конкурента, в котором говорилось, что мы, Интерфинанс, и ещё четыре банка в ближайшее время прекратим свою деятельность.

Мы с Германом ошарашенно смотрели друг на друга: вот он, момент истины!

– Где ты это взял? – спросил Герман.

– Пришло по электронной почте, я просто распечатал.

– Вот гады! – выругался Громов. – Это же надо такое придумать, это бред, неправда и недобросовестная конкуренция!

Игорь засмеялся и опять превратился в «колобка».

– А ты где-то видел добросовестную? – Его глазки хитро заблестели, а лицо опять стало добродушным. И он с огромным аппетитом и удовольствием принялся уплетать томлёный говяжий бок в трюфельном соусе с грибами.

– И то правда, – согласился Громов.

Я быстро прикидывала в уме, что больше всех пострадали четыре финансовые организации, указанные в этом письме.

– Игорь, – спросила я, – Вы поверили и продали наши активы, а деньги отнесли им?

Дударев молча жевал и смотрел на меня, как бы решая, говорить – не говорить. Я продолжала:

– Так они Вас разыграли, у них дела не очень хорошо идут в настоящее время, очень много токсичных активов, им ЦБ дал срок месяц (это я знала точно, мне сказала Инна). У них начались предсмертные судороги, поэтому они и решились на такой трюк, всё равно терять нечего! Неужели Вы отдали им свои деньги?

Тот дожевывал великолепную говядину, был размягчён вкусной едой и алкоголем, и настроение у него снова было хорошее, но, видимо, на моём лице отразился ужас от содеянного им, потому что Игорь недоверчиво посмотрел на меня, но так как был калачом тёртым, ответил:

– Забрать-то я забрал, но им не отдал! – улыбнувшись при этом, а мы с Германом весело засмеялись.

– Отлично! – захлопала я в ладоши. – Тогда несите обратно к нам, не переживайте, всё будет хорошо! Да и заходить в акции сейчас – одно удовольствие, цены резко снизились, Вы будете в очень хорошем выигрыше! – изображая верх доброжелательности, предложила я.

– Только не тяни, – добавил Герман, – сейчас снова в рост пойдём. – И подмигнул Игорю.

После этого, естественно, надо было выпить за победу, и за удачу, и опять за женщин, особенно красивых! Настроение заметно улучшилось у обоих, всё-таки никто не хотел конфронтации. И расставались мы уже закадычными друзьями. Я всегда поражалась этому свойству русских людей сходится близко после дружеских посиделок. Потом Громов попросил меня немного подождать и пошёл провожать Игоря. Наверное, им было, что обсудить без меня, потому что он довольно долго не появлялся. Затем пришёл водитель Германа Алексеевича и молча, дал мне конверт.

Я с любопытством вскрыла его, там лежала пластиковая карта – ключ от номера на восемнадцатом этаже. И что мне с этим делать? Честно сказать, я была разгорячена вином, спорами с мужчинами и победой над Игорем, мне совсем не хотелось уходить домой. И потом, он мне очень нравился.

Меня никто не заставлял, не удерживал и даже не уговаривал, что, признаться, немного обидно. Чтобы потом ни о чём не жалеть, мне даже пришлось вспомнить основное правило принятия решения: для того, чтобы включить мозги, необходимо отключить эмоции. Как я ни старалась, разум не включался. Мои мозги с ужасом наблюдали со стороны за тем, что я делала, судорожно истеря при этом и обещая закончить жизнь суицидом! Но я их отключила! Вот так, представьте, я использовала самое главное правило с точностью до наоборот. Выбор я сделала, опираясь на эмоции, но абсолютно осознанно.

Лифт поднял меня на нужный этаж, электронный ключ пискнул, зелёный индикатор мигнул, и дверь открылась, пропуская меня внутрь.

Тонкий прекрасный аромат сразу окутал меня, вся комната была заставлена необыкновенными букетами в огромных вазах, лепестки роз были рассыпаны по полу, дорожка из цветов вела к кровати. Это было очень красиво и романтично, как картинка из сказочных снов. Всё было настоящим, словно королевские покои, много хрусталя, позолоты, приглушённый свет и мерцание. Я не ожидала такой роскоши и немного ошалела после Инкиной хрущёвки. Надо же, просто «Тысяча и одна ночь»! Позже я узнала, что Герман Алексеевич любит театральные эффекты, красивые жесты, постановочные сцены, позиционируя себя таким шахиншахом. Это был его обычный приём – ошеломить великолепием юную Золушку, чтобы она не успела опомниться. Признаюсь, это ему удалось.

Минут через пятнадцать Герман вошёл. Он улыбался и смотрел на меня. В его взгляде я уловила блеск вожделения, который всегда чувствую моментально, но он даже не скрывал, не маскировал этого, хотя бы из вежливости.

Где-то глубоко запрятанный, предательский страх шевельнулся во мне, я испугалась его мужской страсти и силы и боялась себя, потому что стеснялась быть глупой, неловкой, сказать

или сделать что-то не так и испортить атмосферу волшебства, заполнившую пространство. Я не знала, что мне делать, всё-таки мы были чужими друг для друга люди...

Улыбаясь, он приблизился и сказал:

– Боже, как я рад, что ты пришла!

Я молчала, потому что была скованна неловкостью ситуации, и не понимала, что говорить. Любой звук казался мне фальшивым, но он тут же тонко почувствовал мое настроение:

– Знаешь, я всё время думал о тебе, я очень ждал эту минуту, – произнёс он мягким приглушённым голосом, бередящим душу, и я почему-то поверила ему. Наверное, потому что сама думала только об этом.

Я улыбнулась.

– Смешно! Надо же, какое совпадение, неужели так бывает?! – не без иронии заметила я, но это его «я очень ждал эту минуту» отпечаталось в голове и постоянно всплывало, как гимн счастью, как заглавный рефрен в моей сольной партии.

– Ты тоже этого хотела?! – не поверил мой мужчина, потом пристально посмотрел на меня. – Ты стесняешься себя, своих желаний? – догадался он, а я покраснела.

Он приятно негромко засмеялся, легко подошёл к очень красивому банкетному столику, на котором стояло шампанское в ведёрке со льдом, открыл бутылку, налил вино в бокалы:

– За невероятные совпадения! – глаза его искрились, губы улыбались, и я поняла, что мысленно он уже раздевает меня.

Его губы отчаянно притягивали мой взгляд, и я всё время на них смотрела, хотя понимала, что это глупо и этого делать не надо. Мне захотелось узнать их вкус, недоступный ранее. Всё оказалось гораздо проще, чем я думала. Герман потянулся ко мне, его руки легли мне на талию, и я инстинктивно прижалась к его лицу в поисках этих манящих, смеющихся губ. Это было очень вкусно, долго-долго и обжигающе, его желание постепенно передалось мне, медленно пробуждая воображение и чувственность, по моему телу прокатилась горячая волна, а сознание затуманилось.

– Ты необыкновенно красива, – произнёс он, целуя меня.

Больше он не говорил ничего. Я только успела отметить, что Герман очень хорошо знает, что делать, и мастерски выстраивает линию поведения. Ещё минута, и я была полностью в его власти и больше ничего не соображала. Ему нравилось расстёгивать каждую пуговичку на моей блузке, обнажать моё тело, снимать с меня одежду, вытаскивать шпильки и заколки из моих волос, распускать их и снова целовать меня. Мне это тоже нравилось, доставляло давно забытое удовольствие, я стремительно уносилась в мир блаженства, мир грёз, мир невероятного, острого сексуального наслаждения, которое возникает только в редких случаях, когда природа каким-то непостижимым образом включается в игру полов, вызывая между женщиной и женщиной необъяснимое притяжение.

Да и зачем нужны слова? Что он мог сказать? Что любит меня, что не может без меня жить? Это было бы просто смешно и фальшиво! Я бы сразу это почувствовала, а так создавалась иллюзия нежности и любви, какого-то магического действия. Я ощущала себя Золушкой наоборот, не той, которую ищет принц, как в детских сказках, а другой, современной, которая сама ищет принца, находит его, но не может расколдовать. Очарование ночи рассеялось утром. Проснулась я в одиночестве и, вспомнив всё, с тревогой поехала на работу.

* * *

Наш визит к Игорю не прошёл даром, все вкалывали в ускоренном режиме. Герман Алексеевич немедленно обратился в ЦБ с требованием дать опровержение инсайдерской информации, распространяемой недобросовестными финансовыми организациями, а также в правоохранительные органы с просьбой о возбуждении дела против банка-конкурента за клевету.

Наша служба безопасности отработала по своим каналам и вместе с пресс-секретарём отправила подробные разъяснения в СМИ. Все эти действия возымели результат, падение акций было приостановлено. А через пять дней начался рост наших активов. Но самое главное, что ещё через три дня Игорь принёс нам свои деньги назад. Вот это было самой лучшей рекламой! Я уверена, что без совета с опытными финансистами он бы этого не сделал. Значит, наша репутация на рынке восстановилась.

Правда, до хорошего было ещё очень далеко. Вытаскивая банк из ямы, мы залезли в долги, и соотношение активов-пассивов было не в нашу пользу. Необходимо было срочно принимать меры. И, желательно, нестандартные, чтобы привлечь к нам клиентов.

Звонок телефона оторвал меня от работы – это была Инна.

– Юля, привет! Что происходит? Кенгуру!

Это означало, что Инна перестала меня понимать и чем-то очень недовольна, в её голосе слышались обида и недоумение. Я почувствовала угрызения совести, всё-таки я не права.

– Мы же договорились: никогда не отключать телефонов, а я не могу до тебя дозвониться несколько дней, и ночевать ты не приезжаешь, что я должна думать?

– Инусь, не переживай, всё хорошо. Просто я очень занята, – к сожалению, я пока была не готова всё объяснить ей.

Не могла же я сказать, что мы с Германом сошли с ума и он просто не отпускает меня. У меня возникало впечатление, что за мной следят, и когда я собиралась с работы, его водитель вырастал передо мной, как немая тень Алладина. Он забирал меня, и мы снова летели по ночным дорогам через пробки и слякоть, пока, наконец, не оказывались в укромном месте. Обычно Герман заказывал ужин в номер, он всегда терпеливо спрашивал, чего мне хочется, я отвечала:

– Чего-нибудь необыкновенного, неиспробованного, чего нет в меню, – и смотрела на него загадочным, затуманенным взглядом.

Он подхватывал мою игру и уточнял:

– Заманчиво, а можно поконкретней?

– Да, конечно! Любви: на первое, поострее, чтоб обжигала, как перец чили, на второе тоже любви, только погорячее, чтоб согревала, как коньяк, а на десерт любви сладкой, но не приторной, со всякими мармеладными изысками.

Он смеялся:

– Для такой худышки у тебя очень хороший аппетит, а ты не боишься, что всё не осилишь? – говорил он своими бархатистыми тонами, вызывающими лёгкий трепет. Но я не боялась.

– Ты же мне поможешь? – спрашивала я, заглядывая ему в глаза и замирая в ожидании.

И ещё он всегда просил принести шампанского, потому что заметил, что от шампанского я теряю голову, в меня вселяется лёгкий кураж, и всё становится нипочём. Я глотала вино, заедая фруктами, и становилась другой девушкой, совершенно раскованной, и Герман тонко замечал эту перемену.

– Когда я тебя увидел в первый раз, мне показалась, что ты очень колючая, как кактус. Я не ошибся? Мне даже страшно было к тебе подойти! – и он делал испуганное лицо.

Но тут, уже смеялась я, причём по-настоящему, с удовольствием.

– Чего ты боялся? Ха-ха-ха! Повтори, пожалуйста! Уколоться? Это что, новый анекдот? Громов боится подойти к девушке? Ты когда это придумал? Надо же, какой пугливый, наверное, тебе пора пить лекарство от страха! – говорила я, широко округляя глаза.

Мы смеялись, пили вино и целовались, я очень любила вкус его губ. Потом я уходила в ванну, включала очень горячую воду и становилась под гудящие струи воды, мне нравилось смывать с себя прошедший день. Через некоторое время приходил он и присоединялся ко мне, и мы вместе избавлялись от тревог, суеты и глупости пролетевших суток. Я закутывалась в

огромную махровую простыню, а Герман просто растирал своё крепкое тело баннным полотенцем, и через несколько минут мы оказывались в постели. А потом каждую ночь всё повторялась, как в первую...

В наших отношениях появилась какая-то неуловимая лёгкость, мы много шутили, разговаривали, мне было очень хорошо с ним. Моя первоначальная скованность исчезла, появилась внутренняя уверенность в том, что я сделала правильно свой выбор. Я потихоньку наблюдала за главным человеком в моей жизни и научилась понимать его мимику и жесты, угадывать его настроение, но, к моему ужасу, он был невероятно закрытым.

Я чувствовала, что очень нравлюсь Герману, но также понимала природу влечения: мы великолепно совпадали по темпераменту, диапазону преемственности, границ допустимого в интимных вопросах, но он всегда был очень сдержан в общении. Герман выстраивал стену в отношениях за пределами спальни, и туда вход мне был запрещён. Это было обидно, но он же ничего не обещал? И потом, я же сама на это согласилась.

Иногда мне казалось, что я лечу с огромной высоты, с обрыва, но по пути зависаю и в страхе болтаюсь в воздухе. В моём сознании всё слилось: ночи и дни, дни и ночи, всё смешалось, перепуталось, и я уже не могла отличить, что было вчера, сегодня, позавчера... Но, самое главное, чувство эйфории, полёта не покидало меня, и я впервые в жизни была по-настоящему счастлива.

– Ты шутишь?! – конечно, Инна мне не поверила. – Тебе действительно нечего мне рассказать? – настаивала она.

– Конечно, есть. Давай на днях встретимся и всё обсудим, – предложила я.

Я очень хорошо понимала, что как бы я ни пыталась себя оправдать, я ничем не отличаюсь от Мелани, просто превратилась в Мелани № 2. Поэтому и прячусь от Инессы.

Меня иногда заботила мысль о его семье, я знала только, что жена и дети проживают в Англии. Однажды он сказал мне, что их отношения с супругой перешли в стадию гостевого брака. Я спросила:

– Это как?

Но он странно посмотрел на меня и не ответил.

Но самое страшное, что я отчётливо видела, почему я не могла ему ничего противопоставить: я очень сильно его любила, меня тянуло к нему, и я ждала каждой нашей встречи. Так что, если быть честной, хотя бы с самой собой, дело не в нём, дело во мне.

* * *

Генерала звали Волчанский Олег Анатольевич, и надо сказать, его внешность и поведение невероятно точно совпали с фамилией. Был он сухощавый, подвижный, с близко посаженными тёмными глазами, и даже цвет волос отдавал серым серебром. Генерал никого не любил и никого никогда не хвалил, говорил очень резким отрывистым голосом, и за глаза все в отделе звали его Волчара. Уже одно это имя наводило ужас на подчинённых, потому что все знали о его беспощадном характере. Был он теоретически непотопляем, потому что много лет служил в охране высокопоставленного члена правительства, можно сказать, работал его тенью, и теперь старые связи очень помогали ему.

Так случилось, что сейчас я стал тенью Волчанского: последние несколько лет мне пришлось выполнять самые сложные, самые отвратительные его поручения, а что я мог сделать? Приказы надо выполнять!

Но однажды фортуна повернулась ко мне, извините, задом. И теперь мне предстояла очная встреча с ним. Он специально пригласил меня в свой кабинет, что означало высшую степень неудовольствия. Мне пришлось одеться в полную офицерскую форму, собрать волю в кулак и в назначенное время прибыть в управление.

Я поднялся на третий этаж, по сочувственным взглядам сослуживцев понял, что многие уже знают: я впал в немилость. В приёмной адъютант поприветствовал меня кивком головы и сухо сказал:

– Ждите, генерал занят.

Я присел на стул, достал телефон и отключил его. Главный терпеть не мог, когда у него на приёме раздавалась телефонная трель, это его ужасно злило. Необходимо было хоть так себя обезопасить! Хотя по сравнению с тем, что я натворил, это такая мелочь... Примерно через час адъютант поднял трубку внутренней связи, посмотрел на меня и сказал:

– Зайченко Леонид Иванович, Вас ждут, пройдите!

Я знал, что лейтенант был любопытным, ему нравилось подслушивать разговоры в кабинете у генерала и владеть всеми новостями, поэтому строго посмотрел на него:

– Только попробуй! – мой взгляд был жёстче штыка. – Пожалеешь, что родился!

Улыбка слетела с его и лица, и он пробормотал что-то невнятное. Я ещё раз зло сверкнул глазами и прошёл в кабинет.

Волчанский сидел за столом. Невысокий худой человек в большом кресле. Он даже не пошевелился, только его глаза встретились с моими. Я прошёл два шага вперёд и замер. Генерал молчал, а мне тем более нельзя разговаривать, он же старший по званию. Мне это не нравилось, лучше б ругался матом, тогда я хотя бы знал, что у него на уме...

Но вдруг его прорвало!

– Лёня! Ты хоть понимаешь, что натворил? Загубил всё, на что я потратил пять лет! Я добывал эти контракты, договаривался с нужными людьми в правительстве, чтобы они нам достались, а ты? (Дальше последовала нецензурная брань!) Я молчал. Так продолжалось минут пятнадцать, из них минут десять матом, но это был хороший признак, потому что это ещё не высшая степень неудовольствия, хуже, когда он говорит тихо, совсем тихо, спокойно и грамотно, вот тогда точно, тебе уже не выжить. Никак! Он остановился, зло скривился:

– Что ты предлагаешь, что делать будем?

Я выдохнул:

– Сейчас разрабатываю новый вариант с банком Громова, думаю внедрить туда своего человека для начала. Уже получилось выполнить некоторые начальные ходы, получить интересную информацию. Но у него очень хорошая служба защиты, поэтому необходимо действовать осторожно. Он очень педантичен, и охрана у него, пожалуй, одна из лучших в стране, многое будет зависеть от его позиции.

Это был крайний вариант для меня, всё-таки Герман был моим другом, но другого выхода я не видел, на кону стояла моя жизнь, а при хорошем стечении обстоятельств Герман мог сохранить и жизнь, и деньги! Но генерал знал всё.

– Это же твой друг детства? – язвительно спросил он.

– Да, мы выросли в одном дворе!

– А ты сможешь его переиграть? Он крепкий орешек!

Я усмехнулся:

– Придётся! И потом, он же не бесплатно будет с нами сотрудничать, он же свою долю получит.

– Да, но он очень много теряет, поэтому может быть очень опасен! Ты должен всё просчитать до последнего, до мельчайшей детали! Это твой последний шанс! Можешь быть свободен!

Я откланялся и ушёл, но на душе было очень муторно и беспокойно, хотя на войне, как на войне!

* * *

Перспектива потерять банк после инсайдерского налёта очень меня разозлила. Понятно, что в любом бизнесе всегда надо быть готовым к защите, а то и к нападению, но чтобы действовали так беспардонно, мы явно не ожидали. Всё-таки надо усилить службу безопасности аналитической группой, только где их взять, мощных аналитиков, а главное, честных.

Я уже на автомате просматривал последние биржевые сводки, как внимание мое привлекла информация о крахе банка «Зори Москвы». Боже, ну какой идиот мог так назвать банк! И сколько их развелось, этих банков, столько, что даже имён придумать не могут! То, что я узнал, не просто изумило меня, а повергло в шок.

Жил-был банк, хорошо себе жил, и вдруг он без видимых причин стал тонуть, а чтобы ЦБ ничего не заподозрил и не отозвал лицензию, отчётность стали подтасовывать. Буквально, за шесть месяцев до кончины банка назначают нового председателя правления по фамилии Холодков Андрей Алексеевич, и за его подписью выдают кредиты в очень значительных суммах сомнительным фирмам, которые, естественно, никто возвращать не собирался. Кроме того, менеджмент в количестве семи человек, которые, как я подозреваю, и были основными бенефициарами разгрома банка, списали со счетов клиентов и перевели на подставные организации огромные средства, да так, что в реестрах банка исчезло всякое присутствие этих вкладчиков. Ничего себе, порезвились!

Люди стали обращаться за вкладами, а их там и след простыл, народ повалил в прокуратуру, возбудили уголовное дело, эти ясные «Зори Москвы» закрыли, но деньги уже испарились.

Виновным за всё, или козлом отпущения, назначили этого Холодкова, который проработал шесть месяцев. Его адвокат уверяет, что банк разграбили до него, чему я точно верю, что Холодков пытался спасти банк и что он подписал только то, что одобрило правление, но подпись-то его! А это огромные деньги, которые ушли в никуда. Мужик только сорок два года, а он попал в тюрьму и тяжело заболел там!

Я почему-то думал, что в наше время уже так топорно не работают, но не верить своим глазам не мог! Я видел документы с указанием фамилий фигурантов, сумм хищений, статей уголовного права и решением суда. Мне не хотелось признавать, но то, что произошло в действительности, как две капли воды напоминало то, что предложил мне Зайченко в своих проектах!

– Вот даёт! Да он обкатал уже эту схему! Убеждён, что в этом деле с «Зорями Москвы» без Леонида не обошлось!

Мне стало не по себе, все-таки, учитывая наши отношения, очень неприятно. Воспоминания детства жили во мне, перед глазами вставали красочные картинки и бередили душу.

Сложно представить, что можно вот так просто растоптать многолетнюю дружбу. Я много раз в уме проигрывал разные варианты, и все они оказывались не в мою пользу. Мой друг Лёничка хочет вывести деньги из банка на липовые счета, в офшоры, в тёплые страны и потом всё свалить на меня или другое подставное лицо. Но даже в этом случае меня ничего хорошего не ждёт, потому что я теряю корпорацию, огромные деньги, которые даже не мои, а наших вкладчиков и инвесторов, разоряю тысячи людей и навсегда расстаюсь с честным именем! Это совершенно неприемлемо для меня, поэтому я твёрдо решил не принимать его условий. Но, чтобы остановить Зайченко, надо понять, что им движет, зачем ему мой банк и эти огромные средства. Где-то в глубине меня зрело подозрение, что для него дело было очень серьёзным, просто вопросом жизни или смерти. Попробуем выяснить.

Я пригласил Давиденко. Старый лис был, как всегда, строг и подтянут, когда я предложил ему чашку кофе, ответил:

– С удовольствием, – и улыбнулся.

Секретарша Люся, излучая любезность и стараясь угодить, подала нам только что сваренный кофе. Она знала, что я люблю очень горячий и очень крепкий, обязательно с пенкой, поэтому относилась к кофе, как к ритуалу.

Запах свежесмолотых зёрен пополз по кабинету, возбуждая аппетит и желание пригубить ароматную жидкость. Сергей Иванович очень осторожно взял крошечную чашечку, поднёс к лицу, чтоб лучше уловить аромат, и отпил маленький глоточек, я тоже очень медленно, смакуя и наслаждаясь вкусом, расправился со своей порцией.

– Ты что-то много стал пить кофе! – сказал он. – Не боишься? Опасно для сердца.

Я усмехнулся:

– А что сейчас не опасно? Ты думаешь, для здоровья лучше коньяк, водка или виски? Кофе хорошо прочищает мозги и именно поэтому мне нравится. Знаешь, сегодня мне на глаза попались интересные документы, и неприятное предчувствие меня не покидает.

Я перевёл взгляд на старого лиса:

– Мне нужно, чтоб ты помог мне разобраться с одним затонувшим банком, – попросил я. – Необходимо узнать всё до мельчайших подробностей: кто его «крышевал», кто вёл дело, каким боком здесь присутствует Леонид Иванович и вообще, какие у него проблемы на службе?

Сергей Иванович осторожно отставил блюдце, с сожалением посмотрел на пустую чашечку.

– Ещё кофе? – поинтересовался я, но тот отрицательно покачал головой.

– Больше уже будет перебор, и так не могу уснуть ночами, врачи запретили пить кофе и чай после десяти утра, слишком много содержат кофеина, он скапливается и раздражает мозговые центры, поэтому возникает бессонница. А, в молодости пил сколько угодно, и ничего, – спал как убитый, – с досадой произнёс он.

– А курить разрешишь? – он знал, что я не курю и не разрешаю курить в помещении, но Старый лис был заядлым курильщиком, а я понимал, что для него кофе без сигареты не существует, это как море без воды. Я кивнул.

– Кури! – подошёл к окну и открыл его.

– Видишь ли, Герман, – он с удовольствием втянул в себя табачный дым, – знаешь ли ты, что человек использует свой мозг только на три процента? Зато чужой имеет на все сто!

Я улыбнулся:

– Это ты про меня?

– Не совсем про тебя, только отчасти, я про общую обстановку. К сожалению, сделать то, что ты просишь, будет очень сложно, потому что материалы эти закрыты, находятся в следственном комитете и доступа к ним нет, – докуривая сигарету, задумчиво продолжал Сергей Иванович. – Возможно, только договориться с кем-то из сотрудников, но это как повезёт.

Я и сам понимал, что практически невозможно, но надеялся на успех, всё-таки связи у него обширные. Давиденко попрощался и вышел.

Я остался со своими мыслями, успокоиться не получалось. Что ж, раз кофе нельзя, плесну себе немного виски, чего никогда не делаю на работе. Вот теперь партия начинается. И начинается не по моей воле, меня пытаются втянуть в игру, азартную и опасную. Как опытный игрок, я понимал, что выиграет тот, кто не раскроет свои карты, свои козыри раньше другого, кто сможет просчитать ходы противника, хотя б на несколько шагов вперёд, но как это сделать? Здесь преимуществ у меня нет, они явно у Зайца, потому что ему проще завербовать кого-то из работников банка, что он наверняка и сделал, чем мне выйти на сотрудника спецслужб. Я могу надеяться только на старые связи.

Так давай, Герман Алексеевич, думай, шевели мозгами, что ты можешь противопоставить, чтобы изолировать матёрого офицера? Пожалуй, ничего. Несмотря на моё твёрдое реше-

ние не принимать условия Зайченко, я понимал, что открыться сразу не смогу, чтобы нейтрализовать его, мне нужны улики, которые заставят его прекратить игру, причём неоспоримые.

Выиграет тот, кто будет владеть информацией к шифрам транзакций. Пока деньги у меня, мне никто ничего не сделает, потому что им нужны деньги! И, что очень важно, им нужны деньги, выведенные за пределы страны, в этом я уже не сомневался, как и в том, что Заяц работает не один. В одиночку он бы на меня не попер, слишком неочевиден выигрыш. И, главное, надо обязательно вычислить его «кукловода»! Но прежде всего надо докопаться до истины, до мотива, почему он это делает. Это и будет ключ к разгадке.

Леонид был лёгок на помине. Я взял телефон.

– Привет, – начал он – как дела у наших доблестных банкиров? Я слышал, ты одержал победу, раскрыл инсайд?

Мне не хотелось говорить на эту тему, и я не считал это победой, мне казалось, что это, напротив, наш провал, но он напирал.

– Сейчас в деловых кругах только и разговоров про этот случай, это ж надо, такое придумать, письма с инсайдом рассылать акционерам! А народ пугливый оказался, тут же распроцался с активами!

– Лёня, что ты хочешь? – мне надоело его слушать.

– А вообще все тебя хвалят, говорят, ты всё правильно и очень чётко сделал, но сейчас акции растут?

– Я не обсуждаю эти темы по телефону!

– Растут, – утвердительно сказал он, – сам смотрел сегодня.

Я молчал, но это не сбило его с толку.

– Это хорошо. А что, Герман Алексеевич, у тебя новая женщина, новая любовь появилась? Почему же ты молчишь?

– Не говори загадками, не в цирке! Какая женщина? – разозлился я.

– Ну как же, я вот недавно Игоря Дударева встретил, так он в полном восторге от твоего нового сотрудника, то бишь советника. А точнее, советницы? Вот только мы с Игорем не можем понять, что она тебе советует? В каких вопросах? – его жирные намёки раздражали всё больше.

– Без комментариев, это производственный момент, кто мне необходим, того и принимаю на работу! – сухо ответил я, но не тут-то было, он имел очень точные сведения.

Заяц заржал:

– И именно для решения производственных вопросов тебе понадобился двухсотметровый номер для молодожёнов с пятиметровой кроватью? И как это у тебя получается, Гера: что ни королева, то твоя? – невинно спросил мой друг детства, чтоб ему было пусто. Ярость просто душила меня:

– Зайченко, ещё слово, и я за себя не ручаюсь! Не твоё дело! И вообще, перестань за мной следить!

– Ты не понял, я только за, но, может, ты нас познакомишь? Мне как раз совет нужен! – заржал он и отключился.

Я был в бешенстве! И зачем он звонил? Он убедительно доказал мне, что контролирует каждый мой шаг и что его службы переиграли мои, что в общем-то досадно, но не самое страшное в настоящее время. Самое неприятное, что он не отступил от своей идеи завладеть активами банка. Правда, острее всего меня кольнула его фраза о Юлии, вот её он не увидит, как своих ушей!

Ну что ж, первый ход сделан, Леонид раскрыл свои карты, я благоразумно пасую и жду дальнейшего его выпада. Но для этого его надо спровоцировать, чтоб он открылся ещё больше. Это как в покере: опытные игроки не лезут в бой преждевременно, а пасуют, ждут, чтоб другие сбросили карты. Посмотрим, что ещё в Вашей колоде, господин полковник.

И тут опять забренькал мобильник. Это был наш старинный приятель, который приглашал меня на мальчишник, но странный мальчишник, не по поводу женитьбы, а по поводу развода. Я спросил, кто там будет. Были названы все наши давние друзья, среди которых был и Леонид Иванович. Честно сказать, я люблю мужские компании, тем более все проверенные люди, но встречаться с Зайцем не очень хотелось, с другой стороны, если не приду, это будет подозрительно. Что ж, вот и встретимся на нейтральной территории.

* * *

Я сова, человек, которому ближе ночной образ жизни, у меня даже работоспособность повышается ночью, поэтому не люблю просыпаться рано утром, для меня это просто средневековая пытка. Когда мы жили вместе с девчонками в общежитии, я просыпалась самой последней, это уже когда Инна начинала греметь посудой, включала телевизор и грозила вылить на меня ушат воды. До сих пор не знаю, что такое «ушат», никогда не видела. Конечно, за годы учёбы и работы пришлось выработать режим и просто силой заставлять себя ложиться спать в определённое время, чтобы утром излучать свежесть, но всё это даётся мне с огромным трудом. Сегодня выходной день, поэтому можно позволить себе прийти на работу на час позже.

Утром, прихорашиваясь у зеркала, в полуха слушала гороскоп. Не сказать, чтобы я придавала большое значение всем этим оккультным вещам, но так, ради спортивного удовольствия, иногда интересуюсь. Удивительно, но в этот день звёзды обещали мне много новых увлекательных открытий, которые могут перевернуть мою жизнь! Да уж, только этого не хватало! Честно сказать, перевороты надоели. Также звёзды предупреждали скорпионов, что сегодня не лучший день для рискованных операций. Эта фраза вообще поставила меня в тупик. А что Всесоюзные Звёзды понимают под термином «рискованные операции»? Покупку акций «Эпэл» или криптовалюты на миллиард долларов? Не буду, честное слово, не буду! У меня нет ни миллиарда долларов, ни миллиарда рублей, и вообще, я могу купить только булку хлеба. Это рискованная операция? Как вы думаете?

Герман Алексеевич дал мне очень конфиденциальное поручение, чтобы его выполнить, мне нужно было сосредоточиться, и ещё мне не хотелось, чтобы меня дёргали и отрывали от работы, поэтому я выбрала субботу. Я погрузилась в свои мысли, голова была занята только цифрами, и немудрено, что предостережение звёзд не рисковать совсем забылось.

Закончив работу, я вспомнила, что мне нужно кое-что приобрести для своей новой квартиры. Однако это был не мой день, мне ничего не понравилось. В итоге, так ничего не купив, устав от прогулки по шумным улицам, мерцающей рекламы и суеты, мне захотелось отдохнуть, посидеть за чашкой кофе в каком-нибудь тихом месте. К еде отношусь очень избирательно, но если нет времени, то могу съесть что угодно, лишь бы быстро. Но фастфуд и все эти пиццы, бигмаки, гамбургеры и прочее не жалую.

Я люблю не есть, а вкушать что-нибудь необыкновенное, чего не можешь себе позволить каждый день, с очень красивым названием и чтоб было приготовлено только что, свежее-пре-свежее и только для тебя. На ум пришли несколько таких ресторанчиков, в ближайший и зашла. Здесь было очень уютно и всегда вкусно. Мое любимое место, в уголке за колонной, было свободно, я уселась спиной к залу, не очень люблю, когда меня разглядывают. Официант принёс карту блюд и винную карту.

«Ну что, Юля, чем себя порадуешь?» – подумала я и углубилась в изучение. Предложения и вправду были дивные, повар-итальянец предлагал на закуску севиче из лосося и авокадо с сегментами апельсина, грейпфрута под цитрусовой заправкой. Немного посомневавшись, прикинула: вообще-то неплохо, особенно с белым сухим вином Хуан де Хуанес Макабео Шардоне Валенсия. На горячее выбрала дорадо с парментье из пастернака и трюфельной сальсой и на десерт – желе из шампанского с фруктами с зефирным бэзе и чашечку кофе. Теперь хоть бы

всё это съесть. У меня часто так бывает: глазами всё бы съела, а вот начинаешь – и не можешь осилить.

Вообще-то я сама могу хорошо готовить, но делаю это крайне редко, для того, чтобы было вкусно, надо купить полный комплект всех ингредиентов, а для севиче нужно только пол-апельсина и пол-грейпфрута, а куда потом девать всё остальное? И так со всем. Останется всего понемногу и выбрасываешь, а я не люблю сорить едой.

А, честно сказать, меня всему научила бабушка Сима. Инна не очень любила, а вот я обожала готовить. Одно из самых сложных блюд – маринованный сазан – могу приготовить на раз, два. Там весь секрет в маринаде, надо в правильной пропорции взять специи, кардамон, душистый перец и сварить маринад, смешав сахар, соль, уксус, воду и остальные компоненты. Если это сделать грамотно, потом за уши не оттянешь. В этом чудо-сиропе полагается томить рыбу с овощами на очень медленном огне, чтобы нежнейшее мясо её не развалилось, потом, обязательно накрыв крышкой, и в этом и заключается весь цимус, дать постоять несколько часов, дабы сохранить все волшебные запахи, чтобы и рыбка, и овощи впитали их в себя. Вот только после этого выкладывать на огромное блюдо с осторожностью и украшать апельсинами, ананасами, оливками, каперсами, маринованными сливами. Уверяю вас, успех будет ошеломляющий.

Этот рецепт на Дону применяли ещё сто лет назад, а сазаны до семидесяти килограмм и больше водились. Я знаю, мне бабушка Сима рассказывала. Сазанов мы с ней мариновали на каждый день рождения в их большой семье или на большой праздник. Ее брат всегда ей звонил и спрашивал:

– Симочка, родная, даже не знаю, как сказать, – начинал он издалека.

– Господи, Гриша, что ты, как приبلудный, чтоб ты сто лет горя не знал, да спроси, как есть.

– Да? – удивлялся Гриша. – Ну, может, это будет несколько неприлично, но я таки спрошу: завтра у Вас день рождения, а сазанчик будет?

– Таки, да! Будет! Мы тебя очень ждём, обязательно приходи, – всегда добавляла Симочка.

И даже если она не собиралась готовить это блюдо, после звонка Гриши она просила своего сына, Инкиного папу, съездить на рынок и привезти сазанчика.

– Таки, покрупнее.

Благо, сазанчики тогда ещё в Дону водились. Разве могла она оставить своего ненаглядного брата без любимого угощения.

Вот так и выходит: раньше сазанчиков кушала, а теперь ешь, Юля, заморское севиче. Мне стало грустно, что нельзя вернуть детство, нельзя собраться большой компанией и, ни о чём не думая, просто уплетать Симочкину вкуснейшую рыбку.

Стройный официант с модной причёской подал мне первое блюдо. Севиче было выше всяких похвал, просто таяло во рту, а цитрусовая заправка придавала пикантности и создавала ощущение праздника, дразня лёгким ароматом. Мы-то свои салаты заправляем чем? Тяжёлым растительным маслом или жутким магазинным майонезом с полным собранием «ешек»: E214, E232, E216, состав которых, больше пригоден для химической атаки, чем для столовых блюд. Севиче с сухим Шардоне Бьянко Макабео Валенсия сочеталось восхитительно.

Не зря они такие деньги платят итальянскому маэстро, оно того стоит, оценила я вкус первого блюда. Официант, выражая всяческое почтение, принёс дорадо, приготовленную с выкрутасами и модными изысками. Понятно, что парментье – это просто пюре из пастернака и на самом деле может не каждому понравиться, очень сильно напоминает детское питание в баночках. Представляю, как мама бы сказала Славику:

– Дорогой, я приготовила тебе парментье из пастернака на обед.

Мне стало смешно, потому что я ясно увидела его озабоченное лицо: вот уж точно кто не обрадуется, ему б кусок свинины, зажаренной до хрустящей корочки. А вот я выкладываю за это парментье неприлично приличные деньги.

Подача была очень красивой, из всех компонентов выложили непередаваемые композиции, украсили оливками, черри и зеленью, в общем, даже смотреть уже было вкусно. Попробовала рыбу, она была приготовлена в лучших итальянских традициях, на гриле, без добавления лишних жиров или канцерогенов, что одно и то же. Дорадо мне показалась немного суховатой, но это очень капризная рыба, и приготовить её сочной без добавления масла невозможно. Ладно, не осетрина, конечно, но будем считать, что так и должно быть.

Я только приготовилась наслаждаться вторым блюдом, как сзади, благо меня прикрывала колонна, послышались знакомые голоса, задвигались столы и стулья, и дружная мужская компания уселась за моей спиной. Вечер переставал быть томным.

– Что, Юля? Блин, тебе не оладушек? Сегодня точно не твой день! Что, милая, предостережения звезд сбываются?

Я даже шевелиться перестала – так мне не хотелось ни с кем встречаться.

– Что ж такое, во всей Москве не нашлось другого ресторана! Надо же им было притащиться именно сюда. Да! Это вам не симфонический оркестр, здесь в толпе не спрячешься, придётся исполнять соло», – пришёл мне на ум любимый афоризм из одного южного города.

Между тем мужчины сделали заказ, им принесли выпивку, и дело пошло веселее. Дёргаться было бесполезно, в любом случае, пока не придумаю, как отсюда уйти незамеченной, придётся изображать статую. Сидели они не очень близко, но посетителей было мало, и слышно было почти всё. Первым взял слово мужчина по имени Алексей, наверное, фамилия у него была Огородников, потому что все его звали Огорода.

– Мужики, мы знаем друг друга много лет. И поэтому для исключения всяких кривотолков я пригласил вас, чтобы сообщить: я развожусь с женой. Всё равно каждый из вас стал бы мне звонить, спрашивать, так вот, чтобы внести ясность, я подтверждаю это.

– Ну ты даёшь, Огорода, прямо ошарашил, – произнёс голос, которого я не знала.

Все загудели.

– Хорошо, с этим понятно: разводишься. А причина? – вот это уже был тенорок нашего главного юриста, директора по правовой работе.

– Вечно вам, юристам, всё надо по полочкам разложить: мотивация, последствия, причины, санкции, – сказал очень крупный мужчина с запоминающимся густым и низким голосом, сидящий ко мне спиной. Я все же смогла немного обернуться и краем глаза кое-что увидеть.

– Мужики, давайте пока выпьем за свободу Огороды, а потом обсудим, – предложил кто-то самый голодный.

Предложение всем понравилось и было встречено на ура, все задвигали бутылками, застучали рюмками, какое-то время закусывали.

– Так в чём всё-таки соль проблемы? – не унимался юрист. – Раз уж ты нас собрал.

– Вот любопытный, – подумала я, но, по правде, и мне уже было интересно.

– Алексей встретил новую любовь, – пришёл к нему на помощь крупный человек с низким голосом, видимо он был осведомлён лучше других. Народ немного заволновался, но потом все затихли, видимо, ждали продолжения. Тут к их столу подошли официанты и стали расставлять новые блюда, пауза затянулась, но кто-то самый догадливый и нетерпеливый предположил:

– А, так значит, ты встретил новую любовь, а жена узнала и поставила условие? – догадался незнакомый голос.

– Ну не совсем так, у нас было много и других проблем, а тут получилось всё сразу, в одном флаконе, мы просто перестали понимать друг друга, – ответил Огорода.

– Тогда за взаимопонимание! – предложил юрист, и все обрадовались.

– Как дети, – злилась я, – как будто выпивку никогда не видели!

Но тут зазвучал голос, который заставил меня насторожиться. Это был Герман:

– Алексей, а ты хорошо подумал? Всё-таки развод, это ты, наверное, зря, мало ли что бывает? А если ты опять встретишь новую любовь, и что тогда, опять развод? Пойми, нельзя же жениться каждый раз. Жизнь, она гораздо сложнее и непредсказуема! Никогда не угадаешь, что тебя ждёт!

Я пыталась переварить услышанное, шум ресторана немного заглушал голоса, и некоторые возгласы я не разобрала, но этот был очень чёткий:

– Герман знает, что говорит, ты прислушайся, у него обширный опыт, – пробасил «большой», как я про себя его назвала. Но у Огороды была своя точка зрения.

– Я уже всё решил, надоели эти бесконечные ссоры, упрёки, уж лучше начать всё сначала, – ответил он.

Вначале прозвучали одобрительные слова некоторых присутствующих, но потом резкий, хорошо знакомый голос немного развеял общее настроение:

– Ничего другого, с начала или с конца, у тебя не будет! – По тону я уже поняла, что Громов начинает раздражаться. – Ты, всерьёз думаешь, что жизнь можно начать сначала?! С чистого листа? И всё будет так, как хочешь ты? Пойми, это утопия, мираж! Представь себе, одни проблемы уйдут, а другие появятся. Если с первой женой ты ссорился из-за секса, то со второй будешь ругаться из-за денег! И вообще, брак – это война компромиссов, вечная борьба! – заявил Герман. Все присутствующие заплотировали, кроме меня, конечно.

– Bravo, Герман Алексеевич, как сказано, просто восхищён! – похвалил юрист.

– Тогда за войну компромиссов! – мужчины опять дружно стукнулись рюмками.

Видимо, выпитое уже стало действовать, все стали высказывать своё мнение, говорить одновременно, рассказывать о своих ситуациях, в общем, воцарился такой лёгкий хаос, как это всегда бывает. Но потом мне опять пришлось насторожиться – говорил тот, что с незнакомым голосом:

– Мужики, это что, а вы помните Серёгу Снегирёва, так тот по-настоящему «спалился», представляете, назвал в постели жену чужим именем!

– Да, точно сгорел, тем более, если знать, кто у его жены папа, не позавидуешь! – посочувствовали присутствующие.

«Надо же, мужская солидарность в действии! Чтоб вы не утонули, бедняжки, в собственном сочувствии», – изумилась я.

– Так он после этого ни одну тёлку не называл по имени, только рыбка, зайчик или там лапочка, – рассказывал самый осведомлённый.

– Во даёт! – я опять не поверила своим ушам. – Какие меры предосторожности! Сейчас заплачу, даже умиляет, как о жене заботится, какой внимательный! Идеальный муж!

– А с женой-то что? – недоумевал юрист.

– Как что? Ничего, помирился! Сказал, что он этим именем хочет назвать дочку, вроде оговорка по Фрейду.

– Так у него ж одни пацаны, целых три? – не понял какой-то Витя.

– Витёк, какая разница, главное, жена поверила.

– А-а-а?! Ну, тогда за любовь! – дружный гогот вывел меня из себя.

Боже, мужики, как лесорубы: в лесу о бабах, с бабами о лесе. Когда ж они разбегутся? Пока они мусолили свой «потрясный» опыт хождений налево-направо, взад-вперёд, не самые весёлые мысли роились в моей голове. С виду приличные, хорошо воспитанные люди, но сколько неприкрытого цинизма в отношении к женщинам.

Значит, главное – не называть по имени, а лучше просто его не знать, не спрашивать, чем не метод? Ничего личного, секс – не повод для знакомства, а просто мимолётное удовлетворение физиологической потребности. Ловко придумано. Но больше всего меня поразил Герман

Алексеевич, вот это уже было полное кенгуру. Вообще-то он производил впечатление утончённой, аристократической натуры, любителя театральных эффектов, знатока литературы, этакое эстета. И вдруг такая неприкрытая, отвратительная, вульгарная похоть. Как будто это были два разных человека. Господа, а в чём проблема? Спите дома, с любимыми женами, и не будет никакой войны компромиссов, не надо ничего выдумывать и давать невыполнимых обещаний. И вообще, Герман Алексеевич, не превращайтесь, пожалуйста, в животное. Я поразмыслила, вспомнила кое-что из лекций наших заокеанских гуру. Сдаётся мне, что Вас, батенька, кто-то когда-то очень сильно обидел, и это была женщина! Если верить Фрейду, конечно.

Официант уже дважды приносил мне десерт, который я только поковыряла, и кофе. Что-то аппетит пропал. Разговор плавно сместился на международные темы, финансы и политику.

– А вы слышали, что Минфин хочет запретить покупку криптовалюты простым людям? – спросил Витёк.

– От них можно ждать, чего угодно, а чем мотивируют? – спросил Герман Алексеевич.

– Якобы очень рискованно, много случаев разорения граждан, утверждают, что это пирамида!

– Обхохочешься, их мотивация не выдерживает никакой критики, с таким же успехом и на том же основании Минфин мог бы запретить гражданам вкладывать деньги в банковские депозиты, участвовать в долевом строительстве, в пенсионных фондах и, наверное, даже сотрудничать со страховыми фирмами, у нас практически всё финансовые пирамиды, – пробасил «большой» дядька, и все одобрительно загудели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.